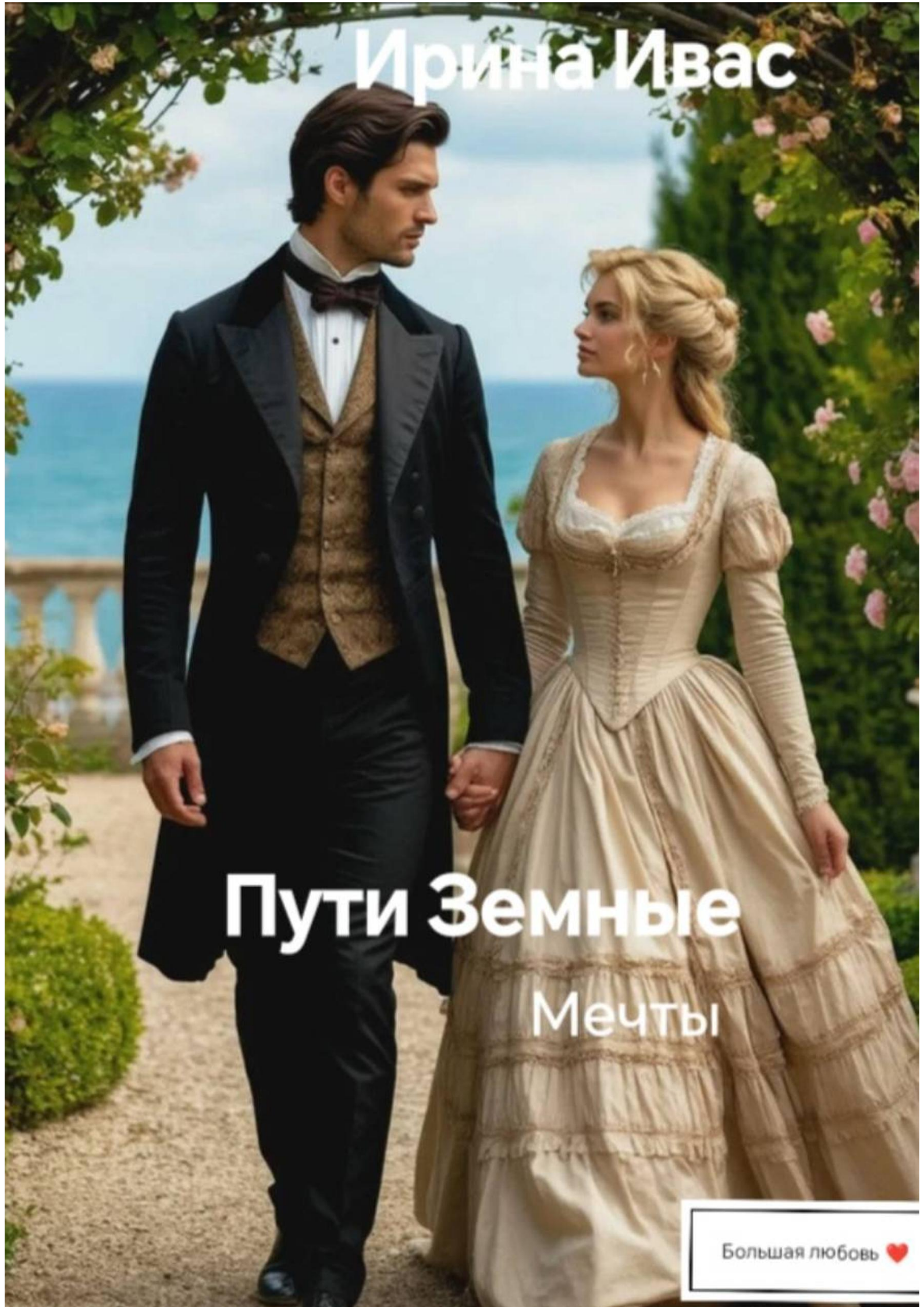

A man and a woman in historical costumes are walking on a gravel path. The man is wearing a dark tuxedo with a patterned vest and a bow tie. The woman is wearing a long, flowing, light-colored dress with a corset bodice and puffed sleeves. They are holding hands and looking at each other. The background features a blue sky, a body of water, and a stone balustrade, all framed by a leafy archway.

Ирина Ивас

Пути Земные
Мечты

Большая любовь ❤️

Ирина Ивас

Пути Земные. Мечты

«Автор»

2026

Ивас И.

Пути Земные. Мечты / И. Ивас — «Автор», 2026

Когда тебе всего восемнадцать, и ты младшая дочь богатого графа, что еще делать, как не мечтать? О том, как тебя предоставят ко двору, о великолепных балах, и о том, что именно ты будешь самой красивой дебютанткой. А еще... нет, нет, вовсе не о замужестве. Корабли и путешествия, далекие страны и приключения - вот, что манит и зовет. Старый географический атлас изучен от корки до корки, и отец обещал взять ее в плавание, когда она окончит пансион. Мама, конечно, будет против, но она обязательно что-нибудь придумает... Суждено ли сбыться этим мечтам и планам? Куда заведут Элизабет пути земные?

© Ивас И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	36
Глава 12	38
Глава 13	39
Глава 14	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Ивас

Пути Земные. Мечты

Глава 1

Северная Англия. 1860 год.

В долине уже пробивалась молодая зеленая травка и пышно цвели нарциссы, а здесь, в приморских скалах, все еще лежал снег. Хотя, весна все же брала свое. Снег еще был, но уже не такой белый и торжественный, как зимой, а серый, пожухлый, как старое застиранное платье, которое природа стремилась поскорее сменить на новый наряд. Все чаще светило солнце, согревая землю, и играя сотнями бликов на морских волнах.

Солнечные лучи лились и на старые стены монастыря Непорочной Девы, местами поросшие мхом, и неприветливо-строгое здание пансиона, находившегося при монастыре. Но то ли от обилия солнечного света, то ли от сладковатого аромата весны, разливавшегося в воздухе, то ли от звонкого пения птиц в монастырском саду, все это суровое место вдруг преисполнилось волшебной красоты, которой нельзя было не любоваться. Именно этим и занималась семнадцатилетняя Элизабет Эллин Вейн, сбежав с урока рукоделия и спрятавшись в эркере в одной из галерей.

Она села на подоконник, подтянув колени к груди, и разглядывала морскую даль, щедро припыленную золотом солнечных лучей. Зеленые глаза, по цвету такие же как волны, омывающие подножия скал, мечтательно затуманились. Сейчас ее мысли были далеко от этих мест. Ведь она представляла, как плывет на одном из кораблей отца, чувствуя соль на губах от сильного морского ветра, и слышит крики чаек. И вот уже берег медленно тает вдали. Впереди долгие дни между небом и землей, сливающихся на горизонте так, что невозможно отделить одно от другого. И где-то там неведомые страны, диковинные города, люди, говорящие на неизвестных языках. Вот что интересно!

Как же объяснить всем этим монахиням, что ей абсолютно все-равно чем один шов отличается от другого, и чем бисквиты отличаются от слоеных пирожных. Или то, что она никогда не научится вышивать так же искусно, как сестра Антония. И дело вовсе не в отсутствии старания, просто это ей не нравится, вот и все.

Научили бы ее ориентироваться по звездам, использовать карты, прокладывать корабельные маршруты, как это делали штурманы у отца... Но нет, благородная леди должна быть милой, скромной, и не интересоваться тем, что только излишне напрягает ее ум и не имеет никакой пользы для привлечения достойного жениха. Рисование, музыка, рукоделие, религия, французский, латынь, редкие уроки истории, арифметики и географии. Вот что предполагалось знать и уметь барышне из благородной семьи. Хотя, против последних двух предметов Элизабет ничего не имела. И, пожалуй, танцев, которые преподавала приходящая учительница. Видимо, уже то, что на ней не было рясы и апостольника, вызывало интерес к ее занятиям.

Но как же невыносимо скучно было все остальное. Еще будучи ребенком, Элизабет часто сбегала от гувернантки и пряталась на чердаке, чтобы поиграть в капитана корабля, и не слушать всю эту чепуху про то, как правильно держать чашку во время чаепития, чтобы все сразу понимали, что ты самая утонченная и воспитанная барышня. Часто ей компанию в играх составлял младший брат Майкл – тоже не великий поклонник наук и этикета. А вот их старшая сестра Анна всегда была занудой. Не понятно, зачем ее тоже чему-то учили. Она уже родилась воспитанной и правильной. Но это вовсе не мешало ей постоянно ябедничать маме, что Элизабет снова спряталась, и вместо занятий все ее искали.

Собственно, это и было причиной, по которой она, дочь графа Лестерфилда, оказалась в пансионе. Когда девочке исполнилось четырнадцать, стало понятно, что ни няня, ни гувернантка, ни даже строгая мама не в силах справиться с ее характером, упрямством и острым нежеланием вести себя так, как того требует общество. Элизабет была влюблена в море и грезила, как однажды, когда вырастет, обязательно отправится в плавание в Америку, Индию или Сингапур. Дальние страны и неизведанные маршруты манили ее. Тем более отец ей часто потакал, и брал в небольшие морские путешествия во Францию и Ирландию. А матушка все пыталась вернуть ее с небес на землю, и втолковать, что леди место не на корабле, а дома, в семье. Сначала в родительской, потом в семье мужа. Женщину украшает скромность и безупречное воспитание, а не излишний ум и глупые мечты.

Поняв, что ее слова до дочери доходят плохо, графиня решилась на крайние меры. И подобрала пансион с самыми строгими правилами. Как ни умоляла девочка, мать была непреклонна. И, к досаде Элизабет, отец ее поддержал. И вот осенью 1856 года она впервые переступила порог пансиона при монастыре Непорочный Девы в Северной Англии. Место было хмурое и неприветливое. Казалось, основной целью его было убить всякое желание радоваться жизни. Пансион как раз и славился тем, что из его стен выходили самые смиренные, воспитанные и набожные девушки. А именно такой хотела видеть свою среднюю дочь графиня Лестерфилд.

Но четыре года, проведенные Элизабет в пансионе не смогли умерить ее природной живости, и притупить ее жажду к путешествиям и приключениям. Хотя теперь они тщательно маскировались под внешней строгостью манер и сдержанностью. Но иногда, когда становилось совсем невыносимо, Элизабет что-нибудь придумывала и убегала из класса сюда, в галерею с эркерами, откуда было видно море и прибрежные скалы, чтобы помечтать.

Вот и сегодня Элизабет сказала сестре Маргарите, которая вела урок рукоделия, что плохо себя почувствовала, и хочет пойти к сестре Анне, исполнявшей в монастыре обязанности врача, но, конечно, к ней не пошла, так как та мгновенно бы поняла, что она вовсе не больна и отправила ее обратно на занятия. Поэтому, найдя себе убежище, Элизабет любовалась чудесным весенним днем, грезя о том, что скоро вернется домой, и отец, как и обещал, возьмет ее в плавание. Как же это будет здорово! Мама, конечно, будет возражать, но ведь ей, Элизабет, уже почти восемнадцать. Она взрослая, и сама будет решать, как лучше для нее.

Впрочем, сначала, ее представят ко двору, и в Лондонском доме дадут большой бал, как уже делали для ее старшей сестры Анны. И ее, Элизабет, обязательно признают самой красивой дебютанткой сезона. Не зря же все девочки в классе говорят, какая она хорошенькая, а настоятельница монастыря, так же являющаяся директрисой пансиона, всегда, глядя на Элизабет, говорит, что у нее лицо ангела, но, правда добавляет: - Ах, если бы не твои глаза, дочь моя, в них столько огня, а еще и зеленые, ох, не к добру. Потупи взор, дитя, и молись, чтобы Господь отвел от тебя нечистую силу.

Элизабет как наяву услышала голос матушки-настоятельницы, и вдруг, вздрогнув, поняла, что та стоит рядом с ней и что-то говорит.

- Элизабет, я еще раз спрашиваю, что ты здесь делаешь?...

Элизабет Эллин Вейн

Глава 2

— Матушка... — растерялась девушка и поспешно слезла с подоконника, — я... я почувствовала себя плохо на уроке... Было очень душно. У меня заболела голова... — Элизабет было совестно врать женщине, приближенной к Господу, но не могла же она ей сказать, что если бы не ушла с урока, то умерла бы от тоски.

Матушка Иллариия, высокая, статная, женщина с добрым лицом и пронзительно-яркими голубыми глазами, заботливо оглядела ученицу, потом дотронулась рукой до ее лба и спросила:

- Почему же ты не обратилась к сестре Анне, если тебе стало плохо?

- Я пошла, но потом решила, что если посижу здесь и просто подышу свежим воздухом, то все пройдет. Зачем зря тревожить сестру Анну, у нее и так много забот.

Последнее было правдой, так как в младшем классе сразу несколько девочек простудились и лежали с высокой температурой.

- Мне уже гораздо лучше. — заверила матушку Элизабет, опасаясь, что она все-таки заставит ее пойти к врачу.

- Рада слышать. Слава Господу. Я бы отправила тебя в класс, но я как раз шла за тобой. Я получила письмо от твоего отца. Пойдем ко мне в кабинет.

Элизабет сразу насторожилась. Отец писал редко, но письма всегда были адресованы ей, а не матушке. Что могло случиться дома? Все ли здоровы? И есть ли вести от Майкла, который скоро должен был вернуться из своего первого плавания, где он исполнял роль представителя отца под опекой его личного секретаря. Все-таки здорово быть мальчишкой. Все тебе дозволено.

Элизабет старалась не испытывать чувство зависти, ведь Майкл плавал по Средиземному морю, и, вероятно, побывал и в Греции, и в Италии. Она тоже хотела бы увидеть развалины их античных городов, которым много веков, великолепные скульптуры, оливковые рощи. Какой же счастливчик ее брат!

Элизабет шла за настоятельницей по коридору и гадала, какие же новости ей предстоит услышать. Матушка открыла высокую тяжелую дверь кабинета и вошла, пригласив Элизабет за собой. Это была одновременно строгая комната, как и подобает директорскому кабинету, но вместе с тем теплая, и навевающая спокойствие, что свойственно духовным лицам. Темное дерево стола и шкафов смягчала сине-зеленая обивка стульев и кресел, и такие же по цвету портьеры на окнах. Над камином, выложенным светлым камнем, висела картина с изображением парусника, рассекающего волны в закатных лучах. Элизабет всегда удивляла столь светская картина в кабинете настоятельницы. Казалось, что какой-нибудь библейский сюжет здесь был бы более кстати. Но, видимо, матушке Иллариии эта картина была чем-то дорога.

Элизабет, обычно, в кабинет настоятельницы вызывали отнюдь не для похвалы. Она всегда была озорной и подвижной девочкой. И с годами энергии в ней не убавилось. То же самое можно было сказать о ее упрямстве. Мало что или кто мог заставить ее заниматься тем, что ей не нравится. Поэтому сестры прибегали к помощи матушки-настоятельницы, чтобы быть услышанными строптивой ученицей.

Или, когда она, как сегодня, сбегала с уроков, и кто-нибудь из монахинь заставлял ее в коридорах или в библиотеке с очередным географическим атласом или приключенческим романом в руках. И тогда ее вызывали сюда, в этот кабинет, где матушка мягко, но строго отчитывала девушку. Нет, она не ругала, но говорила такими словами, что становилось очень стыдно. Но на очередном уроке рукоделия, как только Элизабет начинало клонить в сон над вышивкой, чувство стыда быстро притуплялось, и хотелось быть где угодно, только не в этом классе.

И вот она снова в кабинете настоятельницы, сидит в высоком кресле, чинно сложив руки на коленях, и ждет слов матушки. Настоятельница посмотрела на девушку, сидящую перед ней: скромное светло-серое школьное платье, светлые, чуть выющиеся волосы, собранные в пучок на затылке, руки на коленях, опущенные долу глаза. Сама кротость и смирение. Но этим внешним видом было сложно обмануть мать Илларию. Элизабет провела в пансионе почти четыре года, уезжая лишь на Рождество, и на летние каникулы. Так что у матушки было достаточно времени, чтобы понять ее сущность. За внешней нежностью и изящностью крылась сила и энергия, иногда как взрыв выходящая на поверхность. В девушке горел яркий огонь жизни, тщательно прикрытый светскими манерами и вежливостью. Но его искры отчаянно полыхали в ее зеленых глазах. Так что внешняя сдержанность могла ввести в заблуждение неискушенный взгляд, но только не глаза матери-настоятельницы.

Матушка вздохнула. Как ей не хотелось говорить Элизабет то, что попросил ее отец. Как она воспримет это известие? Но она должна.

- Элизабет, как я сказала, я получила письмо от твоего отца. Крепись, дочь моя, в твоей семье произошло несчастье...

Матушка Иллари

Глава 3

Девушка вскинула на настоятельницу огромные испуганные глаза.

- Матушка?

- Твой брат Майкл попал в шторм у берегов Испании.

Лицо Элизабет побледнело, она стиснула руки, до того спокойно лежавшие на коленях.

- Майкл... Что с ним? – девушка это скорее выдохнула, чем сказала.

Матушка смотрела на нее с глубоким сочувствием. Из письма графа она знала, что Элизабет очень привязана к брату.

- Дитя мое, корабль затонул. До Англии добрались лишь два матроса, они чудом выжили, схватившись за какие-то деревянные обломки, несколько часов провели в воде, пока их не подобрал следовавший мимо корабль.

Элизабет слушала матушку и мучительно осознавала, что случилось и к какой новости ее пытается подвести настоятельница.

- Нет... — прошептала девушка, и слезы потекли по ее щекам.- Нет!!! – неожиданно закричала она и вскочила с кресла, - он не мог погибнуть! – Элизабет заметалась по комнате. — Только не Майкл!

- Дочь моя, пути Господни неисповедимы. Мы будем молиться за упокой души его. – матушка попыталась успокоить девушку.

- Нет!!! – Элизабет, резко остановилась и зло сверкнула глазами на настоятельницу.

- Элизабет, я сочувствую тебе в твоём горе. Но все говорит о том, что твой брат Майкл предстал перед Создателем. Те матросы, когда пришли в себя, сообщили, что на корабле был лорд Вейн, сын графа Лестерфилда. Корабль, который их подобрал, несколько раз обошел место, где затонул корабль, но больше никого не нашли.

- Я не верю, не верю... — Элизабет рухнула обратно в кресло и залилась слезами. Как же хотелось домой, к маме и папе, или, скорее, в теплые объятия нянюшки, чтобы вылакать это горе там, среди родных.

Настоятельница подошла к Элизабет и мягко погладила ее по плечу, и помолчала несколько минут, давая ей прийти в себя.

- Дочь моя, твой брат теперь в лучшем из миров. Господь не велит нам оплакивать усопших. Молись, и будет легче.

Элизабет, услышав слова настоятельницы, внезапно прекратила плакать. Молиться? Кому? Господу, который отнял у нее лучшего друга и брата? Да ни за что! Больше она не произнесет ни слова молитвы.

- Я не буду молиться. Никогда больше. Вы слышите? Я вознесла достаточно молитв за здоровье и благополучие Майкла, и что? Чем это помогло?

- Дочь моя, в тебе говорит горе и боль, но роптать на Господа грешно. Он дает нам испытания, чтобы укрепить наши дух и веру. И мы должны со смирением принимать все, что он нам посылает.

- А мне не нужны испытания. Мне нужен мой брат. Живой!

- Элизабет, тебе нужно успокоиться. Мы потом поговорим о твоих словах. Помимо того, что ты уже знаешь, отец велел в кратчайший срок отправить тебя домой. – девушка посмотрела на матушку все еще мокрыми от слез глазами.

– Граф не счел нужным объяснить такую срочность. Дороги еще сыроваты, но он настаивает на твоём немедленном отъезде. Он любезно просил сопроводить тебя до Лондона. А там тебя встретит его экипаж, няня и слуги. Я уже распорядилась проверить нашу карету. С тобой поедут сестра Елена и сестра Эухения. А также наш конюх мистер Томас. Отправитесь утром через два дня. Будь готова. И да, можешь больше не посещать уроки. Но я настаиваю

на утренней и вечерней молитве. Можешь идти. Мы все с тобой. И будем молиться за твое примирение с судьбой и упокой души твоего брата.

В глазах Элизабет явно читалось что-то недоброе, но вслух она произнесла только:

- Благодарю, матушка, с Вашего разрешения.

- Иди, дитя, иди.

Элизабет медленно шла в спальню. Вспышка злости улеглась, и она чувствовала себя так, будто ей на плечи взвалили что-то большое и тяжелое, и оно гнуло ее к земле. Как же больно осознавать, что она никогда больше не увидит Майкла, такого веселого и красивого, такого гордого отцовским поручением. Никогда они больше не спрячутся ото всех в башне и не будут болтать о море и мечтать о приключениях. Как же это несправедливо умереть таким молодым.

Элизабет присела на ближайший подоконник, и снова заплакала. Сил не было ни на что, только на безудержный поток слез. Это какой-то страшный сон. Этого не может быть наяву. Надо проснуться, и все будет хорошо. Элизабет ущипнула себя за руку. Боль была реальной. Нет, это не сон. Это кошмарная реальность.

Понимая, что вот-вот закончатся уроки, и в коридоры выйдут монахини и ученицы, Элизабет заставила себя встать и дойти до спальни, которую она делила с другой девушкой – Викки Доннинг. Элизабет легла на кровать. Поток слез иссяк. Осталась ноющая боль в глубине сердца. Собираться она будет завтра, сейчас она просто не способна думать и двигаться. Может уснуть? А завтра окажется, что все это ошибка, и Майкл жив. Наивная надежда заставила ее вздохнуть чуть свободнее. Да, надо уснуть!

Глава 4

Пасмурное утро робко пробивалось сквозь задернутые шторы. Элизабет открыла глаза и несколько секунд смотрела на полоску бледно-серого цвета между двумя полотнищами, закрывавшими окно. Затем перевернулась с боку на спину, и с удивлением обнаружила, что спала одетой, поверх покрывала. А укрыта она вторым, видимо, с кровати Викки.

Как же сильно измялось платье! Хорошо, что есть запасное, иначе как бы она пошла на уроки? Уроки... Ей же больше не нужно на них ходить. – и тут все кошмарные вести вчерашнего дня всплыли в ее памяти. Майкла больше нет. Элизабет снова заплакала, уткнувшись в подушку, чтобы не разбудить подругу.

На колокольне монастыря зазвонили колокола, возвещающая начало нового дня, и призывая монахинь и учениц на утреннюю молитву. На соседней постели зашевелилась Викки. Потянулась и села. Увидев, что Элизабет тоже проснулась, подруга улыбнулась ей и бодро произнесла:

- Доброе утро, соня. Как ты сегодня себя чувствуешь? Я вчера сначала подумала, что ты просто нашла предлог, чтобы сбежать с урока, но потом пришла сюда, а ты спишь, даже не раздевшись. Тебе было очень плохо, да? Ты была у сестры Анны? Что она сказала? – Викки, невысокая симпатичная девушка, с темно-каштановыми волосами, карими глазами и по кукольному вздернутому носиком, задавала вопрос за вопросом, одновременно раздвигая шторы, и изучая погоду за окном.

Элизабет вместо ответа глубоко вздохнула. Говорить было тяжело, вместо слов наружу хлынули слезы. Не услышав ответ, Виктория обернулась и увидела, что Элизабет плачет. Она тут же подбежала к подруге и опустилась на колени у ее кровати.

- Что с тобой, милая? Что-то болит? Позвать сестру Анну?

- Нет, Вик, не надо никого звать – наконец произнесла Элизабет. Голос был хриплым, будто она долго болела простудой. – Мне никто сейчас не поможет. Разве что Господь совершит чудо... Хотя, он, похоже, отвернулся от меня...

- Лиззи, не говори так, дорогая, мне становится страшно. – Виктория передернула плечами.

- Помнишь, я рассказывала тебе о моем брате Майкле... — Элизабет медленно села на кровати.

- Да, конечно, он же должен был вернуться из плавания по Средиземному морю. – Викки, словно предчувствуя, что Элизабет скажет что-то дурное, положила свою руку на ее.

- Должен был... Но не вернулся. Он погиб на обратном пути. Корабль попал в шторм и не выдержал его. – Элизабет сжала руку подруги, пытаясь остановить поток слез, но ничего не выходило.

- Господи, Лиззи, какие ужасные новости. Я тебе так сочувствую. Бедный твой брат. – Викки обняла подругу и по ее щекам тоже потекли слезы, — Я не была знакома с ним. Но ты так много и часто о нем рассказывала, о ваших шалостях, о капитанском мостике в башне, о ваших планах плавать по морям, что мне кажется, что была.

- Я бы так хотела, чтобы вы познакомились. Он был такой чудесный, такой добрый, такой умный... — девушки, обнявшись, плакали. И Элизабет чувствовала, как ей становится чуточку легче от искреннего участия Викки.

Колокола продолжали звонить. Виктория, вспомнив, что нужно одеваться, отстранилась от Элизабет и оглядела ее платье, вытирая слезы.

- Дорогая, тебе нужно переодеться. Нам уже нужно идти на утреннюю молитву. Матушка не одобрит, если мы не появимся. Помочь расстегнуть?

- Я не пойду. – жестко отрезала Элизабет.

- Но Лиззи, тебе есть о чем помолиться. – с мягким укором произнесла Виктория. – Ты же хочешь, чтобы душа Майкла оказалась в раю, правда? – скидывая ночную рубашку, и тут же ныряя в нижнюю сорочку, спросила Викки.

- Она только там и может быть. Майкл был таким хорошим, и таким честным. Он никогда и никому не сделал ничего плохого! – воскликнула Элизабет, вскакивая с кровати. – А Господу я больше не верю. Я так молила его, чтобы Майкл благополучно вернулся домой. И что из этого вышло? Майкла больше нет! — Элизабет снова села на кровать и поджала колени к груди.

- Лиззи, милая, на все воля Божья. Господь призвал Майкла к себе. Говорят, там лучший из Миров. – Виктория, уже полностью одетая, в спешке застегнула последний крючок на форменном платье, и схватила расческу, чтобы привести в порядок волосы.

- Вик, я больше в это не верю. Я вообще больше ни во что не верю. Ты, если хочешь, иди. А мне еще нужно собрать вещи. На последних словах Виктория выронила расческу и резко обернулась.

- Зачем? Куда ты собралась?

Элизабет снова вздохнула, словно собираясь с силами.

- Отец забирает меня домой. – девушка зло смахнула вновь подступившие слезы.

- Лиззи, но ведь до конца учебного года всего пара месяцев. И притом дороги сейчас не в лучшем состоянии для путешествия. Как же так? – Викки подняла расческу и в расстройстве присела на кровать Элизабет.

- Не знаю, зачем это понадобилось. Матушка только сказала, что отец просит отправить меня домой прямо сейчас. Но, честно говоря, по урокам и бесконечным наставлениям я уж точно скучать не буду. – и краешки губ Элизабет дрогнули в подобии улыбки.

Виктория тоже чуть улыбнулась, и тут же, взяв подругу за руки, проговорила:

- Как же грустно, Лиззи, мне тебя будет так не хватать. Ты же мне почти как сестра. Ты будешь мне писать?

- О, Вик, конечно, буду. — Элизабет обняла подругу, которая уже была готова к выходу. Вспомнив, что нужно бежать, Виктория сделала последнюю попытку уговорить Лиззи:

- Может пойдем вместе? Я подожду, пока ты соберешься.

- Нет, Викки, я не пойду. Встретимся за завтраком.

- Как скажешь, дорогая. До встречи. – Виктория улыбнулась подруге и выскользнула за дверь.

Элизабет и Викки

Глава 5

Оставшись одна, Элизабет снова дала волю слезам. Он не могла найти в себе силы встать и продолжить делать то, что она делала каждый день: умыться, переодеться, пойти поесть. Как может все оставаться на своих местах, когда Майкла нет? Как могут так же петь птицы и расти трава, как будто ничего не случилось? Вон, даже природа скорбит вместе с ней, с Элизабет. В отличие от выдавшегося накануне яркого весеннего дня, сегодня небо было затянуто серыми тучами, грозившими дождем, а то и снегом. И скорее чувствуя душой, чем видя это ненастье, Элизабет плакала, и не хотела останавливать слезы. Может, хоть так выйдет невыносимая боль, сжимавшая ей сердце. Но легче не становилось.

Бесшумно открыв дверь, в комнату зашла матушка Иллария. Она подозревала, что Элизабет откажется идти на молитву. Бедная девочка замкнулась в своем горе и не хочет открыть сердце даже Господу. Ее долг вернуть ей веру прежде, чем она покинет пансион, иначе ей будет очень трудно идти по жизни.

- Элизабет, доброе утро. – произнесла матушка.

Девушка подняла заплаканное лицо от подушки и ответила:

- Здравствуйте, матушка, — затем медленно села и попыталась унять слезы.

- Ты опять плачешь? Стало ли тебе от этого легче?

Элизабет молча покачала головой.

- Дочь моя, пойдем, помолимся об упокоении души твоего брата. Господь услышит тебя, и тебе станет легче.

- Я не верю. Я больше ни во что не верю, – твердо произнесла Элизабет, — и не надо меня уговаривать, матушка, это так не справедливо, что Майкл погиб. Что он ему сделал? За что он лишил его жизни?

- Элизабет, дитя мое, Господь не наказал его. Наоборот, он даровал ему покой в лучшем из Миров.

- Не думаю, что Майкл этого хотел. Он был так юн. Только начал жить...

- Элизабет, Господь дает то, что лучше для нас, а не то, что мы хотим. Он все ведает. Наши судьбы написаны наперед. Еще до нашего рождения. Судьба Майкла была такова, что ему было суждено уйти раньше, чем многим.

- Вы красиво говорите, матушка Иллария, но тогда получается, что молиться – это напрасно. Если все уже предписано, значит, от молитвы ничего не зависит?

- Элизабет, посредством молитвы мы открываем свою душу и сердце Господу, и он дает нам силы, чтобы выдержать испытания, и утешение, чтобы вытерпеть лишения. Не отворачивайся от Бога, дитя, наоборот, откройся ему, и он уменьшит твою печаль. – Матушка постаралась вложить в свои слова всю душу, и очень хотела, чтобы девочка ее услышала и поняла.

Элизабет хотела бы поверить матушке Илларии. За годы, проведенные в пансионе, она привыкла доверять ее мудрости и искренности. Но сейчас не могла ничего с собой поделать. Все внутри нее кричало, что, если бы Бог и вправду слышал ее, он не отнял бы у нее дорогого Майкла.

Матушка Иллария молчала и ждала, какой эффект возымеют на Элизабет ее слова. Девушка тоже притихла. Она обдумывала услышанное и пыталась сопоставить это с собственными чувствами. И боль утраты взяла верх.

Элизабет посмотрела на настоятельницу:

- Матушка Иллария, сейчас я не смогу молиться, простите. Я слишком зла и растеряна. Майкл был самым близким мне из всей моей семьи. Я не представляю, как теперь жить дальше, осознавая, что я его больше никогда не увижу. И я не могу больше верить тому, у кого просила

защиты, а получила в ответ удар, который просто оглушил меня... Не просите меня сейчас открыться Господу. Я не могу. Я просто не знаю, что ему сказать...

Матушка Иллария чуть заметно вздохнула, и решилась на последнее средство:

- Хорошо, дитя мое, сегодня ты можешь не молиться вместе со всеми. Но... ты же не откажешься помолиться вместе со мной?

- Матушка...я... — не нашла слов девушка, но, судя по яростному блеску зеленых глаз, назревала буря. И матушка решила ее предотвратить:

- Элизабет, давай так, я буду молиться, а ты хотя бы просто послушай. – и матушка опустилась на колени перед распятием, висевшим на стене. После секундного колебания Элизабет последовала ее примеру.

Матушка Иллария читала молитвы вслух. Она молилась о благе Англии и Ее Величества Королевы Виктории, ее супруга – принца Альберта и детей, о благополучном течении дел в монастыре, о здравии монахинь, послушниц и учениц, об утешении для страждущих, и покое для тех, кто покинул бренную землю.

Элизабет слушала ее сильный красивый голос, произносивший правильные слова. Но они звучали, и не находили отклика в ее сердце. Будто что-то сломалось внутри нее, и она больше не могла получить утешение там, где находила его раньше – в молитве. До того, как весть о гибели Майкла настигла ее, Элизабет нравилось ходить на службу. Она любила пение хора, звучание органа, всю эту торжественность. А еще она искренне верила, что если исправно возносить молитвы, то все будет хорошо. И сейчас она чувствовала, как будто ее предали. Она могла отлынивать от учебы, но никогда от молитвы, а теперь отказывалась понимать, зачем это делать, если все-равно будет плохо.

Матушка Иллария замолчала и посмотрела на Элизабет. По выражению ее лица она поняла, что девушка думает о чем угодно, только не о Господе. Теперь уже настоятельница вздохнула не таясь. Ну что с ней делать! Это дитя испытало боль потери и находится в смятении, и в таком состоянии пытается свернуть на неверную дорогу. Как же помочь ей вернуться на праведный путь?

Элизабет внезапно поняла, что матушка замолчала. Она повернула голову, и встретилась взглядом с настоятельницей. Ох уж эти ее пронзительные глаза! Она явно сообразила, что девушка думала вовсе не о молитве. Но в глазах матушки не было упрека, они были полны сочувствия, но было в них и что-то еще. Сожаление? Боль?

Это что-то непонятное заставило Элизабет опустить глаза и прошептать:

- Простите, матушка.

- Бог простит, дитя мое. – Ответила ей настоятельница. – А теперь, тебе пора сменить платье, привести себя в порядок и идти на завтрак. А мне пора заняться делами.

Матушка нежно провела рукой по щеке Элизабет, поднялась с колен и вышла из комнаты. Элизабет осталась одна. Она чувствовала себя разбитой, слабой, потерянной и очень одинокой. Медленно поднявшись, она открыла шкаф. Что же ей надеть. Она же теперь в трауре. И будет носить его до конца жизни, если получится. Но с собой у нее нет ни одного черного платья. Все светлое, как и положено юной девушке. Разве что форменные платья серого цвета более-менее подходят. Элизабет начала переодеваться, и слезы снова заструились по ее щекам.

Глава 6

Как же хотелось домой. Обнять отца. Выплакаться всласть в мягкие колени няньки, и, конечно же, увидеть мать. Может быть, хотя бы сейчас она поведет себя как женщина, любящая своих детей, и скажет ей, как жить дальше?

Отношения Элизабет с матерью сложно было назвать близкими, даже теплыми. Изабелла Анна Вейн, урожденная Меркант, графиня Лестерфилд, никогда не была склонна к сентиментальности, и, даже если искренне любила своих детей, то тщательно это скрывала. Все ее материнские обязанности укладывались в поцелуй в лоб, когда няни приводили детей в гостиную после чая, и улыбку, когда она заходила вечером в детскую, пожелать доброй ночи, да и то, если в этот вечер была дома, а не посещала с мужем оперу или бал.

Элизабет, ее сестры и брат росли в семейном имении Вейнов – Лестерфилд-Холле, в графстве Хэмпшир, недалеко от Портсмута, большей частью находясь под надзором нянь и, позже, гувернанток. Изабелла считала, что Лестерфилд-Холл слишком далек от центра жизни – Лондона, а жизнь в имении скучна, однообразна и провинциальна, поэтому при любой возможности уезжала в столицу, и дети не видели мать месяцами.

Когда Изабелла вышла замуж за графа Лестерфилда, ей едва исполнилось восемнадцать. Самому графу на тот момент сровнялось тридцать, и он казался ей почти стариком. Сначала он ей совсем не нравился. Но графский титул, внушительное состояние, да еще суровый нагоняй от отца заставили ее сказать «да» этому джентльмену, так настойчиво за ней ухаживавшему.

Семья Изабеллы не была бедной, но она была четвертой дочерью из шести, и особо большим приданным похвастаться не могла. Зато она была, определенно, самой красивой дочерью барона Мерканта: глаза цвета чистейшей бирюзы, опущенные густыми длинными ресницами, нежное личико с легким румянцем, обрамленное льняными кудрями, изящный изгиб темных бровей, аккуратный носик и пухлые губы. Она была хороша, как дорогая фарфоровая кукла, и каждая черточка ее лица была словно выписана умелым художником. Изабелла была рождена, чтобы ей любовались и восхищались.

И, если старших дочерей барон Меркант выдал замуж, практически, за первых, кто делал им предложения, то для своей четвертой дочери он явно намеривался подыскать партию как можно солиднее.

Джордж Кристофер Вейн, четвертый граф Лестерфилд, впервые увидел Изабеллу на зимнем балу. Она была изумительна в бело-голубом платье, так шедшему к цвету ее глаз и оттенявшему молочную белизну безупречной кожи. Джордж сначала просто наблюдал за ней издали, но в какой-то момент они случайно встретились взглядом. Девушка, смутившись, быстро опустила глаза. А он понял, что только ее хочет видеть своей женой.

Ему уже давно пора было обзавестись семьей и дать наследника роду Вейнов, его отец скончался четыре года назад, взяв с него клятву жениться как можно скорее. Но ни одна из знакомых девушек до этого дня не привлекала его внимание так, как неизвестная красавица в бело-голубых шелках. Да, в его окружении было много милых и славных девушек, матери которых были готовы душу заложить нечистому, лишь бы он взял в жены одну из них. Но все они были такие... обычные. И каждый раз, слушая их разговоры, Джордж впадал в глубокую тоску, и думал, неужели ему суждено прожить жизнь с одной из них...

И вдруг этот мимолетный взгляд бирюзовых глаз среди суеты бала. Его сердце дрогнуло. Уже через пятнадцать минут Джордж выяснил, что это дочь барона Мерканта, она ни с кем не помолвлена, и был представлен ее отцу.

Барон Меркант сразу смекнул, что графа интересует его дочь, - что еще могло заставить знатного и богатого человека свести знакомство с мелким дворянчиком. И, действительно, через несколько минут разговора, граф, увидев среди танцующих, Изабеллу, поинтересовался

у барона, не знает ли он, случайно, кто эта юная красавица в бело-голубом, и гордый барон ответил, что это одна из его дочерей. Граф попытался изобразить удивление столь удачным стечением обстоятельств, а барон в душе удовлетворенно потирал руки, радуясь, что на красавицу-дочь наконец-то клюнула большая рыба. Граф! Это вам не шутки!

Изабелла видела, что с отцом беседует какой-то мужчина. Симпатичный, но далеко не юноша, на вид лет около тридцати. Видимо, очередной жених. Хоть бы отец отправил его, как делал это со всеми сыновьями их небогатых соседей, которые приходили просить ее руки. Она совсем еще не хочет замуж. Ей даже нет восемнадцати. Ей хочется наслаждаться жизнью, танцевать на балах и видеть это восхищение в глазах знакомых и незнакомых мужчин.

Но на этот раз ее надеждам об избавлении было не суждено сбыться. Уже на следующее утро незнакомый джентльмен пришел к ним с визитом и был представлен Изабелле как Джордж Кристофер Вейн, граф Лестерфилд. От девушки не укрылось, что ее отец был на седьмом небе от счастья, когда знакомил ее с этим мужчиной. Видимо, он наконец-то нашел того, кого искал, и теперь ей не отвертеться, впрочем, посмотрим...

Барон Меркант и впрямь был невероятно рад принять графа. Не зря столько времени и денег он потратил на их с дочерью и женой пребывание в Лондоне. Если все пойдет хорошо, возможно, к осени быть свадьбе! А если совсем повезет, то и раньше.

Изабелла мило побеседовала с графом под строгим взглядом отца, но едва гость вышел за дверь, закатила истерику, что больше не хочет видеть этого старого мужчину. Но барона, имевшего шесть дочерей и склочную супругу в придачу, было нелегко вывести из себя. Он сурово заявил дочери, что, если она не будет принимать ухаживания графа и, в течение года, не выйдет за него замуж, он, не моргнув глазом отправит ее в монастырь, где уже была ее младшая сестра Эмилия. Зная отца, Изабелла понимала, что он шутить не станет, и не посмела его слушаться.

Граф Лестерфилд стал частым гостем в доме барона Мерканта. Он приносил девушке цветы, дарил милые подарки, ввел ее отца в самые элитные клубы Лондона. Джордж оказался интересным человеком с хорошим чувством юмора. И огромным состоянием. Не понятно, что из этих составляющих склонило чашу весов в его пользу, но, когда через три месяца ухаживаний граф сделал Изабелле предложение, она ответила радостным согласием, к огромному удовольствию отца, который был счастлив, что дочь оказалась такой умницей и ее не придется насильно вести под венец.

Как барон и предполагал, свадьба состоялась по окончании Успенского поста, в последний день августа, в старинной церкви Апостола Павла, рядом с имением графа. Множество гостей пришли поздравить молодоженов, и большинство из них не уставало превозносить красоту невесты и прекрасный вкус графа Лестерфилда, выбравшего ее себе в жены. Это, а еще красивый двухэтажный дом с колоннами из местного бежево-серого камня, окруженный парком с одной стороны, и регулярным садом с другой, с широкой подъездной аллеей, засаженной кленами, привело к тому, что Изабелла все чаще ловила себя на мысли, что отец сделал верный выбор и ее замужество будет очень удачным.

Влюбленный граф баловал молодую жену. Он отвез ее во Францию на медовый месяц. Изабелла увидела Париж и Реймс – они были прекрасны. Молодожены пили шампанское и наслаждались невероятными десертами. Молодой графине заказали новый гардероб у лучшей парижской модистки. И пока граф и его супруга путешествовали по долине Луары, останавливаясь в, казавшихся Изабелле сказочными, шато французских друзей ее мужа, для нее изготавливали тончайшее белье, изысканные платья из шелка и бархата для вечерних выходов и балов, элегантные нарядные и повседневные туалеты, не забыв изящные туфельки в цвет каждого наряда и маленькие дамские сумочки. Все это юная графиня получила на обратном пути в Лондон.

Кроме того, граф передал ей бриллиантовое кольцо и серьги, ранее принадлежавшие его матери, сказав, что остальные фамильные драгоценности ждут ее в Лестерфилд-Холле. Онемев от такой щедрости и роскоши, Изабелла прониклась к графу глубокой нежностью. С этого момента они стали настоящей семьей.

Молодожены вернулись в Лондон, и все, кто видел их, восхищались этой парой: сияющей счастьем молодой графиней, и графом, влюбленно смотревшим на свою красавицу-жену, одетую в самые модные наряды.

Но, незадолго до Рождества, Изабелла, поняла, что беременна. Приличия требовали, чтобы она немедленно оставила светскую жизнь и удалилась в имение, чтобы в тишине и покое произвести на свет наследника. Но она только вошла во вкус, так была хороша в своих парижских платьях и всей душой хотела праздника и веселья, что, неизвестно какими правдами и неправдами, уговорила мужа остаться в Лондоне до начала Великого Поста. Ведь нет никакой необходимости всем вокруг знать, что графиня Лестерфилд в положении, тем более что еще совсем ничего не заметно.

Она танцевала как безумная, словно хотела ухватить все, что могла от этих балов и развлечений зимнего Лондона. Граф даже боялся, что она может потерять ребенка, но Изабелла была молода и обладала крепким здоровьем, поэтому все еще продолжала носить их дитя, когда 1 марта, одними из последних среди своих знакомых они отправились в имение.

Беременность протекала относительно легко. Но скука Лестерфилд-Холла выводила молодую графиню из себя, а она, в свою очередь, изводила мужа и слуг. И, когда наступил последний месяц лета, Изабелла благополучно разрешилась от бремени... дочерью. Хорошенькой, здоровой, но дочерью. Разочарованию Изабеллы не было предела. Ведь это обозначало только одно: ей придется рожать еще, ведь Лестерфилду был нужен наследник.

Девочку передали кормилице, и графиня, казалось, совсем перестала ей интересоваться. Новоиспеченный отец же, напротив, часто возился с малышкой. Его очаровывали ее крошечные ручки и ножки, бирюзовые глаза, доставшиеся от матери, и то, что другими чертами она была так похожа на него. Граф спросил жену, как бы она хотела назвать дочь, но Изабелла предложила ему самому выбрать ей имя. Девочку крестили как Анну Джейн Вейн.

К октябрю Изабелла окончательно оправилась от родов и настояла, чтобы немедленно отправиться в Лондон, впереди было почти два месяца театров, балов и приемов перед тем, как наступит Рождественский пост. Джордж был удивлен, что жена так легко готова оставить двухмесячную дочь, но он любил ее и видел, как тяжело ей дается уединение в имении, поэтому не стал спорить.

Супруги с радостью окунулись в светскую жизнь Лондона. Изабелла была снова счастлива и безмятежна, и графа это радовало. Рядом с ним опять была та юная нежная красавица, так пленившая его сердце и разум, а не сердитая фурия, в которую жена превратилась в последние месяцы беременности. Зимние месяцы прошли в мире и любви. Изабелла оказалась прекрасной хозяйкой, и приемы у Лестерфилдов были на устах у всего Лондона, каждый, хоть чуточку знакомый с графской четой, стремился получить на них приглашение.

Глава 7

Но, неизменно, пришла весна, а с ней и время отправляться в деревню. Граф и графиня Лестерфилд снова задержались дольше других и покинули Лондон ближе к середине марта.

Изабелла была равнодушна ко встрече с дочерью, да и девочка расплакалась и прижалась к няне, когда графиня хотела взять ее на руки. Малышке было почти восемь месяцев. Она уже пыталась вставать на ножки и что-то подолгу болтала на пока еще не понятном окружающим языке. Джордж был рад возможности много времени проводить с дочерью. Ему было интересно, как она быстро ползает, временами неуверенно встает, держась за край кровати. Пытается делать шаг, но тут же, с удивлением в глазах, плюхается на попку, но не плачет, а снова встает и пробует такие непослушные ножки.

Изабелла заглядывала в детскую крайне редко, предоставляя заниматься дочерью няне. А зачем же тогда они ее наняли, если не для того, чтобы круглосуточно быть с девочкой? Деревенскую скуку женщина убивала чтением, вышиванием, рисованием и редкими визитами соседей. Она снова стала раздражительной, и когда, в августе, дела потребовали присутствие графа в Портсмуте, он с удовольствием сбежал от жены на несколько дней.

Анне исполнился год, и она резво бегала по дорожкам парка, да так, что няня едва за ней поспевала. Джордж был крайне горд дочерью. Изабелла же все чаще говорила о возвращении в Лондон, но графа не отпускали его дела в корабельной компании, и отъезд был назначен на начало октября.

В конце сентября Изабелла сильно захворала. Ее мучала сильная тошнота и утром, и днем, и даже по вечерам. Испуганный граф срочно вызвал врача. Но, к радости, это оказалась не болезнь. Жена снова была беременна. Граф решил не уезжать в Лондон, а остаться на зиму в имении.

Изабелла чувствовала себя плохо. Вторая беременность совсем не была похожа на первую. Ее постоянно мучило. Она с трудом ела, и, в конце концов, ослабела и слегла. Доктор стал частым гостем в доме графа, однако, он практически ничем не мог помочь, кроме как прописать несчастной травяные настои, совершенно невыносимые на вкус и запах, но, якобы, уменьшающие тошноту.

Граф был очень обеспокоен состоянием жены. Сама же Изабелла находила утешение в том, что в этот раз она точно носит сына, ведь когда она была беременна дочерью, все было по-другому.

Тошнота отпустила ее лишь к Рождеству. Женщина, наконец, смогла нормально питаться и вскоре обрела цветущий вид, свойственный всем беременным. В середине апреля графиня родила вторую дочь. Когда врач объявил, что это девочка, мать отказалась брать ее на руки, рыдалась и велела всем убираться из ее комнаты, включая своего супруга. Как же это несправедливо. Две девчонки. Но она больше не хочет детей! Да и кому охота превращаться в бесконечно рожавшую клушу? Но мужу нужен наследник. И этот ужас с беременностями и родами не кончится никогда.

Еще большим кошмаром для Изабеллы стало то, что после вторых родов она не столь быстро приходила в форму. Как ни старалась горничная, но она никак не могла утянуть талию госпожи до прежних размеров. Большинство платьев стали графине малы. Джордж пообещал привезти из Лондона модистку, чтобы жене сшили новый гардероб, но и это почти не успокоило Изабеллу. Она часто запиралась в спальне, подолгу рыдала и отказывалась спускаться к чаю и ужину. Врач, снова вызванный графом, объявил, что у мадам нервное расстройство, такое бывает с женщинами после родов, и прописал успокоительное.

Второй дочерью графиня интересовалась еще меньше, чем первой. Элизабет Эллин – так граф назвал девочку – была очень похожа на мать, те же ангельские черты лица. Но одно

отличие все-таки было. Однажды Джордж держал спящую малышку на руках – он никак не мог перестать удивляться этому чуду природы – рождению детей, – когда вдруг девочка проснулась. На графа с крошечного личика внимательно смотрели его собственные темно-зеленые глаза. Он улыбнулся девочке, и ребенок вдруг улыбнулся в ответ.

В июле прибыла модистка с помощницами. И к сентябрю новый гардероб Изабеллы был готов. Настроение графини снова было на высоте: у нее столько новых платьев, одно моднее другого. Ну и что, что ее талия стала шире на несколько сантиметров, это ее нисколько не портит. А в новых нарядах этого и вовсе никто не заметит. А самое главное, что в сундуках, среди обновок припрятан рецепт отвара от местной знахарки, который не позволяет женщине забеременеть. Никаких детей в ближайшие три года – решила Изабелла. Она хочет развлекаться, пока молода, ведь ей едва исполнился двадцать один год.

Однако, то ли личная горничная, изготавливавшая для госпожи отвар что-то напутала, то ли знахарка дала неверный рецепт, но весной следующего года Изабелла снова была в положении, а еще через восемь месяцев, в канун Рождества, Лестерфилд-Холл огласили крики Майкла Кристофера, будущего пятого графа Лестерфилда.

Счастью матери не было предела. Наконец-то, наследник! Казалось, в Изабелле, впервые, проснулся материнский инстинкт. Она с удовольствием занималась малышом, и даже сначала сама хотела его кормить, но служанка показала ей свою обвисшую после кормления грудь, и Изабелла мгновенно передумала. Тем не менее, она теперь часто заходила в детскую, брала Майкла на руки, и даже стала ласковее к дочерям.

Но чем ближе была осень, тем меньше становился ее интерес к сыну, и тем больше ей хотелось отправиться в Лондон. И, если бы не дела графа в Портсмуте, она бы уже давно уговорила мужа уехать.

Время шло. С октября по март, с редкими наездами в имение, граф и графиня Лестерфилд жили в Лондоне. Посещали светские мероприятия, балы, театры, давали приемы в своем столичном доме. Лето проводили в Лестерфилд-Холле, или путешествовали по Франции. Дети подрастали: Анне было уже почти восемь лет, Элизабет шесть, а Майклу 4 года.

Этим летом супруги собирались снова поехать во Францию, но, к неудовольствию Изабеллы, Джордж хотел взять с собой детей. Хватит им уже сидеть в деревне. Лестерфилд-Холл – большое и красивое имение, но это далеко не весь мир. Как детям научиться примерно себя вести при чужих, если они постоянно общаются только со слугами, нянями и гувернантками. Тем более, что они уже достаточно взрослые, чтобы не доставлять хлопот отцу и матери.

Отправиться планировали в начале июня, пока на южном побережье Франции еще не так жарко. Была снята вилла для всей их семьи, и дети только и мечтали о том, как поплывут на корабле через Ла-Манш, потом долго по морю, пока не окажутся в Марселе. Особенно усердствовали двое младших – Элизабет и Майкл. Всему виной было то, что отец свозил детей в Портсмут, и сводил на один из кораблей своей Компании. Им разрешили всюду ползать и осмотреть весь корабль от трюма до капитанского мостика.

И с тех пор младшие просто заболели морем и кораблями. И теперь, предвкушая путешествие, они каждый день играли в плавание, и часто не могли договориться, кто будет капитаном корабля. Элизабет была старше, поэтому без обиняков заявляла брату, что он еще слишком мал, чтобы управлять кораблем, на что он, надувшись от обиды, отвечал, что девочек вообще не берут на корабли. Тут уже обижалась Элизабет, и однажды они с Майклом чуть из-за этого не подрались. Благо, няньки были начеку и быстро прекратили потасовку.

Родителям, конечно, доложили, и мать строго отчитала Элизабет за то, что она ведет себя как маленькая дикарка. Джордж, же слушая, что его дети не могут поделить в игре капитанский мостик, хохотал до слез, чем вызвал раздражение и глубокое недовольство жены.

За пару недель до отъезда во Францию, когда Джордж в очередной раз уехал в Портсмут решать дела, Изабелла внезапно испытала приступ дурноты. Охнув, она принялась подсчиты-

вать, когда в последний раз у нее были крови, и пришла в ужас, поняв, что достаточно давно. Она снова была беременна. Какой кошмар. Но она больше не хочет детей. Наследник есть, он крепок, почти не простужается, и нет никаких поводов волноваться за его здоровье. Сейчас конец мая, беременна она около трех месяцев, то есть родит к ноябрю, не раньше, и вряд ли сможет к январю оправиться настолько, чтобы выходить в свет. Ей уже исполнилось 26, совсем не юна. Но она, определенно, не готова просидеть в деревенской глуши ближайшие два года. И, решившись, Изабелла тайно отправилась к местной знахарке, чтобы избавиться от нежеланного дитя, предварительно послав свою горничную выведать у деревенских женщин, к кому они ходят по таким вопросам.

Знахарка внимательно выслушала знатную даму. Спросила – какой срок. Потом долго ощупывала живот Изабеллы, и, наконец, выдала решение:

- Нет. Поздно, мадам. Срок велик. Велика вероятность, что вместе с ребенком погибните и Вы.

- Но ведь могу не погибнуть, так ведь? – не сдавалась графиня.

- Мадам, Вы, наверняка, родите здорового и крепкого малыша, у Вас явно достаточно средств, чтобы его выкормить и вырастить. Новый ребенок в вашей семье не лишит старших детей куска хлеба, а семью дополнительных рабочих рук. Так зачем рисковать? – продолжала отговаривать женщину знахарка.

- Я родила троих здоровых детей, в том числе сына. Я выполнила свой долг как жена. Теперь я хочу получать удовольствие от жизни, пока еще у меня есть на это силы. Да, этот ребенок не сделает нас беднее, но он убьет еще два года моей жизни на никчемное сидение в глуши. А я не становлюсь моложе и привлекательнее. Если Вы не способны помочь, так и скажите, я найду того, кто обладает нужными знаниями. – грозно глядя на старую, сморщенную травницу произнесла графиня.

- Я Вас предупредила, что все может закончиться плохо. – вздохнула знахарка.

- Я готова рискнуть. – ответила Изабелла.

- Воля ваша. Придется подождать некоторое время, присядьте, пока я подготовлю смесь трав. - И знахарка зашуршала по шкафам, доставая необходимые ингредиенты, что-то тихо бормоча себе под нос.

Ждать пришлось долго. Изабелла уже заметно нервничала. Во-первых, изба знахарки стояла на отшибе от деревни, почти в лесу, и было откровенно страшно здесь находиться. Во-вторых, пока знахарка растирала в ступке корни, смешивала их с какими-то порошками и травами, она все время что-то бубнила, и Изабелле оставалось лишь надеяться, что это не какая-то черная магия. При этой мысли она почувствовала, как по коже побежали мурашки. Но от решения своего отступать не собиралась. В-третьих, муж сегодня должен был вернуться домой, а объяснять, где она была и что делала, ей вовсе не хотелось. Тем более, что пришлось бы лгать, а графиня этого не выносила. Но торопить знахарку в столь ответственный момент женщина не решалась.

Наконец, залив смесь чем-то вроде бренди, судя по запаху, и тщательно все перемешав, старая травница перелила настойку в небольшую бутылочку и протянула ее графине.

- Запомните, положите бутылочку в темное, прохладное место до завтрашнего вечера, чтобы вся сила трав перешла в настой. Надо выпить на ночь все содержимое флакона, ничем не запивая. Утром у Вас начнется кровотечение, и Вы выкинете. Но, если крови будет очень много, или если через сутки она не остановится, срочно вызывайте врача и все ему расскажите, иначе умрете от кровопотери.

Изабелла вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Расплатилась со знахаркой, и отправилась домой. Сутки она провела как на иголках, и даже любимый шоколад, привезенный мужем из города ее не обрадовал.

На следующий день вечером Джордж, видя подавленное настроение жены, поинтересовался, здорова ли она. Изабелла поспешила заверить своего супруга, что волноваться не о чем, и, вскоре, сославшись на головную боль отправилась к себе в комнату.

Трясущимися руками она достала заветный пузырек с настойкой. Ее пальцы дрожали так сильно, что она боялась ненароком уронить бутылочку. А что, если она действительно умрет? Ее охватил ужас. Женщина присела на край кровати и поставила пузырек на столик у изголовья. Сердце колотилось так, будто сейчас выскочит из груди. Изабелла закрыла лицо руками и разрыдалась. Она не хотела этого ребенка. Но и умереть боялась. Потом зло вытерла слезы и долго смотрела на бутылочку из темного стекла, стоящую на столике, и все не решалась. А потом, вдруг, решительно взяла ее, открутила крышку и выпила до дна горькую, остро пахнущую настойку, и спрятала пузырек.

Спать Изабелла не могла, все думала, не совершила ли она ошибку, причем фатальную, и лишь под утро, когда уже забрезжил ранний майский рассвет, она ненадолго забылась нервным сном. А потом наступил ад.

Изабелла очнулась от резких, режущих болей внизу живота. И их интенсивность все нарастала. Но никакой крови не было. Все утро она металась в постели, кусав губы, чтобы не кричать. Но кровотечение не начиналось. Что-то явно было не так. К полудню боль стала почти невыносимой. Но крови по-прежнему не было. Изабелла продержалась еще два часа, попеременно, то плача, то кляня всех на свете, и в итоге позвала мужа и все ему рассказала. Граф в испуге то ли от услышанного, то ли от вида мук жены, срочно вызвал врача.

Сгорая от стыда и унижения, Изабелла поведала доктору, что хотела избавиться от ребенка. Она объяснила мужу, где найти бутылочку из-под средства. Граф достал пузырек и передал его врачу. Седовласый и всегда спокойный доктор осторожно понюхал остатки содержимого, вытряс каплю на палец, рассмотрел, потом лизнул и тут же сплюнул в какую-то тряпицу. Затем подошел к Изабелле и аккуратно ощупал живот, заставив ее охнуть даже от легких прикосновений.

- Мадам, у Вас срок слишком велик, чтобы Вы могли выкинуть от этой настойки. Думаю, все, что вы от нее испытаете – это сильно болезненные спазмы. Вряд ли тот, кто дал Вам это снадобье, не предупреждал, что велика вероятность осложнений. Я дам вам порошок, чтобы снять боль. – он раскрыл свой саквояж, поперебирал с минуту содержимое, и извлек нужный бумажный пакетик. — Вот, высыпьте в стакан с водой и выпейте.

Граф поспешил наполнить стакан водой из графина, взял у доктора лекарство, высыпал в воду и протянул жене. Доктор подождал, пока женщина выпьет все до капли.

- Хорошо. Скоро все пройдет. – проговорил врач. - Но я обязан вас предупредить. Эти ложные схватки могут сильно повредить ребенку. И, не исключено, что он родиться слабоумным или с уродствами.

Изабелла побелела от этих слов доктора и чуть не потеряла сознание. Но врач продолжил:

- Мадам, в ближайший месяц Вам нужно как можно больше отдыхать. Никаких нервов, тряски – не важно в седле или карете. Полный покой. И тогда вероятность пороков снизится. Вы меня поняли? - Изабелла кивнула. После чего врач застегнул свою сумку, попрощался с графом и вышел за дверь.

Путешествие во Францию всей семьей пришлось срочно отменить, детям объяснили, что мама больна. Но их очень расстроило, что плавания не будет. И чтобы приободрить малышей, граф несколько раз катал их на яхте по заливу рядом с домом и пообещал, что они непременно еще поплывут на корабле, может быть, даже в страны более далекие, чем Франция.

В срок графиня родила третью дочь. Хвала Господу, никаких уродств у нее не было. Но она была очень хиленькой и слабенькой. Видимо, все-таки попытка матери избавиться от плода не прошла бесследно. Девочку нарекли Лориной Изабеллой. Крошка постоянно болела, плохо

сосала грудь кормилицы, пару раз была на грани жизни и смерти, но доктор каким-то чудом ее вытаскивал.

Изабелла во всем винила себя. И так стройная от природы женщина исхудала до такой степени, что все платья болтались на ней как на палке. И теперь уже доктор лечил не только дочь, но и мать.

Ему пришлось серьезно поговорить с графом: очевидно, что его супруга больше не желает иметь детей. Граф решил, что поддержит жену в этом вопросе. У них четверо прекрасных малышей. Конечно, хотелось бы еще одного сына, мало ли, что случится с Майклом. Впрочем, он сильный и здоровый ребенок, что с ним может случиться...

Лорина, младшая дочь графа и графини Лестерфилд не дожила до пяти лет. Слуги не уследили за камином в ее комнате. Была зима, и к тому моменту, когда обнаружили, что дрова прогорели и погасли, ребенок успел сильно замерзнуть и простудиться. Десять дней она задыхалась и дрожала от сильнейшей лихорадки. Врач пытался ее спасти всеми доступными способами и средствами, но у девочки был очень слабый организм. Джордж и Изабелла были в Лондоне, когда пришло известие, что Лорина очень больна и доктор опасается худшего. Три дня они гнали от столицы до имения почти без сна и еды.

Вбежав в дом и поднявшись в спальню дочери, они застали доктора, который пытался влить ребенку в рот немного лекарства, но девочка была без сознания. Увидев худенькое тельце под одеялом и бледное личико с ввалившимися глазами, Изабелла страшно закричала и упала на колени около кровати.

- Лори, Лори! – звала она дочь и гладила ее мягкие волосики и осунувшееся лицо. Но девочка не реагировала.

Доктор между тем говорил графу, что еще день лихорадки убьет ребенка. Он уже испробовал все, и теперь остается только ждать и молиться. Граф спросил – не заразно ли заболевание, возможно, следует вывезти из дома остальных детей, но врач заверил графа, что опасности нет.

Спустя некоторое время, дыхание девочки стало спокойнее. Изабелла сидела на кровати и держала дочь за руку, и сбивчиво рассказывала ей сказку о принцессе и единороге, которую малышка очень любила. По ее лицу текли слезы. Она только сейчас начала осознавать, что значит быть матерью.

Время двигалось к полуночи. Доктор задремал в кресле. Он предполагал, что кризис наступит этой ночью, и отказался уезжать. Джордж, казалось, внезапно постаревший и посуровевший, сидел в другом кресле и, время от времени, ворошил угли в камине, или подкладывал очередное полено.

Внезапно Лорина перестала дрожать и открыла глаза.

- Мама? – удивленно произнесла она слабым голосом.

- Я здесь, милая. – Изабелла нежно пожала маленькую ручку дочери и попыталась ей улыбнуться сквозь неостанавливающиеся слезы.

- Не плачь, мама, я поправлюсь. – Чуть слышно прошептала девочка и улыбнулась матери.

С этой улыбкой она и покинула этот мир. Изабелла даже не сразу поняла, что случилось. Она ждала, что дочь скажет ей еще что-нибудь, но тут увидела, что ребенок не дышит.

- Доктор, помогите, она не дышит! – закричала Изабелла. Джордж бросился к ней. Мгновенно проснувшийся доктор тоже. Врач начал давить ребенку на грудь, дышать ей в рот, но девочка не приходила в себя. Изабелла в ужасе прижалась к мужу, пока доктор пытался вернуть ребенка к жизни. Но эти действия не имели успеха. Через несколько минут он объявил потрясенным родителям, что Лорина умерла. Пошатываясь, он закрыл тело девочки одеялом с головой, и пошел собирать свой саквояж.

Изабелла обмякла в руках супруга, потеряв сознание. Граф осторожно опустил ее в кресло. Он был так растерян. И чувствовал невыносимую боль и опустошение. Гораздо сильнее, чем когда не стало матери, или отца. Когда уходят старшие – это течение жизни. Но дети не должны умирать раньше родителей. Это неправильно.

Доктор поднес нюхательную соль к носу Изабеллы, и она очнулась, тут же разразившись горькими рыданиями, а Джордж все не мог отвести взгляда от очертаний тельца под одеялом. Равно как и не получалось у него уложить в сознании, что его ребенок умер.

После похорон Джордж объявил жене, что более он не намерен покидать Лестерфилд-Холл ни летом, ни зимой. А если и придется уехать, то дети отправятся с ними. С тех пор Изабелла и Джордж почти все время жили в имении. Лишь изредка отлучаясь в столицу или Портсмут.

Когда Анне исполнилось четырнадцать, скрепя сердце, отец согласился, определить ее в пансион для завершения обучения. Анна была спокойной, рассудительной, много читала, и крайне гордилась, что может вести себя как взрослая. Элизабет же, напротив, росла совершенным сорванцом, и редкий день обходился без синяков и ссадин, или разорванного платья, что постоянно было причиной конфликтов с матерью. Изабелла отказывалась понимать жажду Элизабет к приключениям, и все время пыталась усадить дочь за чтение или рукоделие, попутно рассказывая, как важно леди уметь вести себя, но как только мать отворачивалась, девочка моментально исчезала. За ней тянулся и Майкл. Их мечты о морских путешествиях не утихали. Тем более, что граф обустроил им в одной из башен что-то вроде корабельного мостика с настоящим штурвалом, и дети увлеченно водили корабль по морям своей мечты.

Но рано или поздно, приходит пора взросления. И, вскоре, Майкла отправили в школу. А затем, устав бороться с невозможным характером Элизабет, Изабелла нашла для дочери пансион с очень строгими правилами, который девушка в этом году и заканчивала.

Глава 8

Монастырская карета не могла похвастаться ни мягкостью хода, ни стремительностью движения. Дороги уже почти просохли после зимы, хотя, местами все еще могли доставить путешественникам неприятности.

Два дня прошли незаметно. Элизабет едва успела собрать вещи, попрощаться с подругами и наставницами, как уже наступил день отъезда. Они долго стояли, держась за руки, с Викторией, вышедшей ее проводить вместе с матушкой Илларией. Викки за неполных четыре года стала ей гораздо ближе, чем родная сестра Анна. И после известия о смерти брата, Элизабет было очень грустно расставаться с подругой. Девушки плакали, обещали писать друг другу, и конечно же, с разрешения родителей, приехать погостить.

В конце концов, матушка Иллария была вынуждена прервать это душещипательное прощание, отправив Викторию на урок, а Элизабет в карету, где ее уже ждали сопровождающие: сестра Елена и сестра Эухения.

- Матушка Иллария, я знаю, что была не самой прилежной ученицей, - обратилась Элизабет к настоятельнице, перед тем как сесть в карету, - я благодарна Вам за терпение. Пусть у Вас будет поменьше таких учениц как я, и побольше таких милых и спокойных как Викки.

Матушка Иллария улыбнулась, что делала крайне редко.

- Вы очень хорошо уравнивали друг друга все эти годы. Элизабет, всем покидающим пансион ученицам я всегда говорю, и хочу, чтобы ты особенно меня услышала. Ни при каких обстоятельствах не закрывай свое сердце для Господа. Мы все его дети. И все испытания, которые нам посылаются, они для того, чтобы укрепить нашу веру и дух, и никогда для наказания. Бог велик и милостив, даже если иногда тебе кажется, что он тебя покинул. Это не так. Бог всегда с нами. Ты сильная девочка. Я редко встречала такую силу духа, пытливый ум и жажду жизни в одном человеке. Я желаю тебе обрести в сердце покой. А в жизни счастье. И да благословит тебя Господь.

Элизабет села в карету и помахала на прощание настоятельнице.

- В добрый путь! – произнесла матушка Иллария, и чуть громче добавила: - трогайте, мистер Томас.

И вот, карета катилась по дорогам, местами раскачиваясь и немилосердно трясясь, заставляя пассажиров испытывать не самые приятные минуты. Монахини со свойственной им сдержанностью выносили тяготы пути: сестра Елена была постарше, вероятно такого же возраста, как и мать Элизабет. Строгое симпатичное лицо с тонкими дугами бровей хранило спокойствие и не выдавало никаких эмоций. А вот вторая монахиня, помоложе, то и дело бледнела и явно чувствовала себя нехорошо, но страдала молча. Элизабет, выросшая рядом с морем, и неоднократно плававшая на лодках, отцовской яхте и даже кораблях, чувствовала себя хорошо, и, хотя она от всей души сочувствовала сестре Эухении, все-таки благосостояние сопровождающих ее мало беспокоило.

Гораздо больше тревожили мысли, зачем же отец так срочно забрал ее домой, ведь она и так бы вернулась через два месяца. Да и июнь гораздо больше подходил для долгой поездки, нежели начало апреля. А еще постоянные мысли о том, что Майкла больше нет, то и дело грозили прорваться потоком слез...

Чтобы отвлечься, девушка начала любоваться весенними пейзажами, проплывающими мимо: яркой зеленью молодой листвы в рощах, обилием первоцветов вдоль дороги, глубокой синевой неба с редкими мазками белых облаков. Природа пышно приветствовала возвращение теплых дней. А после суровых скалистых видов вокруг монастыря Пречистой Девы, обилие красок радовало глаза и душу.

Элизабет долго смотрела в окно, чувствуя, как ей становится капельку легче и спокойней от красоты весенней природы, но постепенно все эти картинки слились в единую зеленую полосу в бело-желтую крапинку, и, вздохнув, Элизабет перевела взгляд на монахинь, сидевших напротив нее. Сестра Эухения была бледна, и явно боролась с тошнотой, поэтому девушка обратилась к другой:

- Сестра Елена, видите, как нам повезло с погодой. А Вы говорили, что непременно пойдет дождь.

Монахиня посмотрела на небо, на котором немного прибавилось облаков, и произнесла:

- Думаю, что он вполне может собраться ближе к вечеру. Будем надеяться, что Господь будет и дальше благоволить нашему путешествию, и мы успеем добраться до постоянного двора по сухой дороге. – сестра Елена постучала по окошку кучера, – мистер Томас, мы не можем ехать быстрее?

В этот момент сестра Эухения то ли со вздохом, то ли со стоном, побледнела еще больше, хотя это казалось невозможным, и обмякла на сидении рядом с сестрой Еленой.

- Господи, помилуй. Мистер Томас, остановите! – снова застучала по окошку кучера монахиня. Карета дернулась и встала. Дверца открылась, мистер Томас поинтересовался, нужна ли его помощь, но сестра Елена попросила его только опустить ступеньки и оставить дверцу открытой, чтобы внутрь кареты попало больше воздуха. Она сама позаботится о сестре Эухении. Мистер Томас выполнил просьбу и отошел.

- Леди Элизабет, помогите, пожалуйста, надо ее уложить. Подложите ей что-нибудь под голову. – обратилась к девушке сестра Елена.

Вдвоем они, как смогли, разместили потерявшую сознание сестру Эухению. Вторая монахиня сняла с бедняжки апостольник и расстегнула пуговицу платья под горлом. У сестры Эухении оказались медно-рыжие волосы. Без строгого монашеского головного убора она казалась совсем молоденькой, чуть старше самой Элизабет.

Сестра Елена достала флягу с водой, плеснула на платок и обтерла лицо и шею сестры Эухении. Потом начала обмахивать ее краем своего апостольника. Элизабет достала из сумочки веер и передала его сестре Елене. Та благодарно улыбнулась – от веера толка было больше, чем от апостольника. Через несколько минут сестра Эухения чуть слышно вздохнула и открыла глаза.

- Как Вы, сестра Эухения? – спросила Элизабет.

- Постарайся сделать глоток, сестра. – протянула ей флягу с водой вторая монахиня.

Сестра Эухения попыталась подняться, но силы еще не вернулись к ней.

- Позвольте, я Вам помогу, - Элизабет протянула девушке руку, и та с ее помощью села. Сестра Елена поднесла к ее губам флягу с водой, и та сделала небольшой глоток.

В следующую секунду, будто она и не очнулась только что от обморока, сестра Эухения вскочила и бросилась из кареты. Ее несколько раз вырвало у обочины.

Сестра Елена тоже вышла из кареты. За ней последовала и Элизабет. Старшая монахиня протянула страдающей платок и воду. Сестра Эухения привела себя в порядок, и со слезами на глазах произнесла:

- Простите, сестра Елена, леди Элизабет. Мне жаль, что я доставила вам столько хлопот.

- Сестра, не беспокойтесь, все в порядке. Мы задержались всего на несколько минут. Ваше здоровье важнее потерянного времени. – Элизабет улыбнулась молодой монахине. – а с нашим искусным возницей, полагаю, мы быстро нагоним упущенные минут.

Сестра Эухения опустила глаза.

- Боюсь, я вынуждена просить Вас побыть здесь еще немного, так как немедленное отправление в путь, скорее всего, снова лишит меня сознания. Позвольте мне немного прийти в себя.

- Сестра Эухения, Господь нам велел терпеть, и со смирением принимать все невзгоды и телесные болезни. Мы не можем задерживаться. Мы до темноты должны добраться до постоянного двора. – сестра Елена строго посмотрела на молодую монахиню.

- Думаю, требуя смирения и терпения, Господь вовсе не имел в виду, что нужно доводить себя до обморока. – вмешалась Элизабет. – Тем более, что в этой карете так трясет, что даже самый крепкий человек не выдержит. Нам всем не помешает немного размять ноги.

Элизабет подошла к сестре Эухении.

- Давайте прогуляемся, сестра. Если нужно, обопритесь на мою руку. Вы немного подышите свежим воздухом, и станет легче. Мы отправимся, когда Вам станет лучше.

Подул ветерок, подхватив рыжие локоны сестры Эухении, которая только в этот момент сообразила, что она с непокрытой головой, она охнула, попыталась прикрыть волосы руками, и по ее щекам разлился густой румянец взамен недавней бледности.

Элизабет вернулась в карету, взяла монашеский платок и принесла сестре Эухении.

— Вот, сестра, Ваш платок. Не переживайте, Вас видели только я и сестра Елена. Мистер Томас, я уверена, все время смотрел в другую сторону.

Последнее было не такой уж неправдой. Мистер Томас хмуро поглядывал на небо, на котором продолжали сгущаться облака. К тому же поднимался ветер.

Сестра Эухения приняла надлежащий вид.

- Если Вы готовы, можем немного пройти вдоль дороги. – обратилась к ней Элизабет.

Молодая монахиня кивнула. Элизабет повернулась к старшей:

– Сестра Елена, Вы с нами?

- Нет, я, пожалуй, использую эти несколько минут тишины без тряски для молитвы.

- Как пожелаете. – девушки медленно двинулись вдоль обочины. Одна в сером форменном платье, вторая в такого же цвета монашеской рясе. Обе юные, но такие не похожие друг на друга.

Сестра Елена еще несколько секунд посмотрела им вслед, потом поднялась в карету и погрузилась в молитву.

Глава 9

Карету снова шатало и трясло. К несчастью, погода совсем испортилась. Небо окончательно заволочло тучами, и стали срываться редкие капли дождя. Вечерело, и за окнами кареты окрестности потихоньку обволакивала синева. Сестра Эухения чувствовала себя лучше. Во многом благодаря тому, что Элизабет настояла, чтобы они периодически останавливались, чтобы сестра Эухения могла выйти и подышать воздухом без тряски, доставлявшей ей такие страдания.

- Мы уже должны были добраться до места, но, боюсь, наши остановки сделали свое дело, мы прилично задерживаемся, и всем придется потерпеть еще немного. – произнесла сестра Елене, с тревогой прислушиваясь как дождь все сильнее стучит по крыше кареты.

Элизабет, порядком утомленная, смотрела в окно, пытаясь в сумерках разглядеть очертания местности, по которой они ехали. Не видны ли впереди освещенные окна постоялого двора. Но, кроме сумрака, разглядеть мало что удавалась.

Сестра Елена уже не раз повторила, что они уже давно должны были приехать. Но самочувствие сестры Эухении и не самая надежная карета не позволяли им двигаться быстрее, поэтому они все еще были в пути. Мистер Томас и хотел бы прибавить скорости – перспектива ехать в темноте и под дождем отнюдь не радовала, - но он понимал, что будет рисковать жизнями троих женщин и своей собственной, если подстегнет лошадей. Ему и так не нравилось, как поскрипывает заднее колесо.

Словно вторя его мыслям, карета вильнула – ох уж эти весенние дороги – и колесо издало особо жалобный скрип. Мистер Томас покачал головой и плотнее запахнул плащ, пытаясь укрыться от непогоды.

Внутри, когда качнуло карету, Элизабет сильно ударилась локтем, а сестру Эухению отбросило на сестру Елену, и молодая монахиня принялась многократно извиняться. Элизабет потеряла руку и плотнее запахнула пальто. Заметно похолодало, дождь полил в полную силу. Запахло сыростью. Бедный мистер Томас. Внутри кареты хотя бы сухо, а он бедняга мокнет под дождем, стараясь как можно скорее доставить их к теплему крову.

Вдруг карету мотнуло еще сильнее, послышался хруст, и она стала заваливаться на бок. Элизабет полетела куда-то вниз, инстинктивно выставив руки вперед, наткнулась на кого-то из монахинь, потом упала на спину, стукнулась головой, тихо вскрикнула и даже, вроде бы, на несколько секунд потеряла сознание.

Придя в себя, она поняла, что карета лежит на боку, и дверца находится ровно над их головами. Ее можно открыть, но смогут ли они сами выбраться. Хорошо, что стекла не разбились, а то им всем было бы несладко. И подозрительно, что мистер Томас не спешит к ним на помощь. Вероятно, она необходима ему самому.

Над Элизабет склонилась сестра Эухения. Где-то в темноте голос сестры Елены громко шептал молитвы.

- Я в порядке, просто ударилась. Как вы? Никто не пострадал? Мистер Томас? – подала голос Элизабет.

- Да-да, мы в порядке. – поспешила ответить ей сестра Эухения. – ох, я кинулась к Вам, и совсем забыла про беднягу мистера Томаса. – всплеснула руками молодая монахиня.

- Как бы нам выбраться. Возможно, мистер Томас пострадал. – Элизабет встала и прислушалась – не зовет ли он на помощь, но снаружи доносились лишь звуки дождя и ветра.

Она попробовала открыть дверцу, но то ли ее заклинило, то ли ей просто не хватало сил.

- Сестра Эухения, давайте вместе попробуем, - попросила Элизабет.

Девушки стали вдвоем толкать дверь, но ничего не выходило. И вдруг, Элизабет показала, что она слышит стук копыт. Но дождь барабанил по карате так сильно, что ей вполне

могло и слышаться. Хотя, вот же и голоса: снаружи кто-то разговаривал. Элизабет застучала по дверце кареты и крикнула:

- Помогите, мы здесь внутри!

Глава 10

Судя по звукам, кто-то забрался на перевернутую карету. Дернули дверцу раз, два. На третий она, наконец, поддалась и открылась. Внутри хлынули дождевые потоки, показалась еле различимая в густых сумерках фигура и приятный мужской голос произнес:

- Дамы, немножко терпения, мы постараемся вам помочь. Мы видели, как вы перевернулись. Ваш кучер, кажется, сломал ногу, мой камердинер сейчас им занимается. Среди вас есть раненые?

- Нет, милорд, раненых нет, и мы будем крайне благодарны за освобождение. – как старшая, ответила за всех сестра Елена.

- Рад слышать, что вы не пострадали. Несколько минут, и мы вытащим вас. Позвольте мне ненадолго удалиться, чтобы все подготовить. Вы скоро будете на свободе.

Фигура исчезла, прикрыв дверцу. Потянулось томительное время ожидания. Снаружи кто-то кому-то давал указания. Ощущалось движение. Карета, периодически, вздрагивала. Видимо, на нее кто-то карабкался. Вскоре, над головами женщин снова открылась дверца и все тот же мужчина сказал:

- Сейчас мой слуга и я по очереди вынем вас. Вы сможете крепко ухватиться за наши руки?

Сестра Эухения вздрогнула и вопросительно посмотрела на сестру Елену, но та тихо, почти шепотом ответила на невысказанный вопрос молодой монахини:

- Можно сестра Эухения. В данной ситуации это не грех, это принятие помощи с благодарностью. - И уже громко, обращаясь к мужчине, добавила: - Да, милорд, конечно. Благослави Вас Господь за Вашу помощь. Потом перевела взгляд на Элизабет: - Вы первая, леди Элизабет.

Девушка не стала спорить. Она вложила свои ладони в протянутые сверху руки, и мужчины легко, словно пушинку, подняли ее из опрокинутой кареты. В какой-то момент один из спасающих отпустил ее ладонь, зато второй обхватил за талию и притянул на свою сторону. На несколько мгновений Элизабет оказалась прижата к крепкой мужской груди. От того, кто помогал ей, исходили спокойная сила и уверенность, а еще чуть уловимый аромат лаванды, дарящий умиротворение, и от этого сочетания сердце ее словно нервно дернулось, замерло на мгновение, и вдруг забилось с удвоенной силой. Но вместе с тем Элизабет почувствовала себя окруженной теплом, защищенной от всех напастей мира.

Однако, незнакомец быстро отстранил ее от себя и внимательно осмотрел. Не найдя видимых ран и повреждений, он сказал:

- Рад, что Вы существенно не пострадали. Сожалею, что не могу быть Вам представлен как положено, но пусть обстоятельства нашего знакомства послужат мне извинением. Меня зовут Александр Эдвард Грейтон, маркиз Хенсли. С кем имею честь познакомиться?

Элизабет подняла глаза и впервые увидела лицо молодого человека. Маркизу было лет двадцать пять. Он был привлекателен, можно даже сказать, красив: прямой нос, благородные скулы, высокий лоб, точенные губы, растянутые сейчас в учтивой улыбке, и темные, насколько можно было это понять в густых сумерках, глаза. Девушка зачарованно смотрела на Алекса, изучая его черты, даже перестала ощущать капли дождя, падающие не лицо и не прикрытые шляпкой волосы.

Маркиз тоже замер, встретившись взглядом с Элизабет. Невероятно красивое, хоть и бледное лицо, чуть испуганные огромные глаза, которые не отрываясь глядели на него. Губы ее слегка приоткрылись, словно на них замерло произнесенное слово. Будь они в другом месте и в другое время, Алекс бы не упустил случая поцеловать столь прелестное создание, и есть ощущение, что девушка вряд ли бы стала возражать.

Маркиз усмехнулся и слегка ее встряхнул:

- Как Вас зовут?

Элизабет вздрогнула, смутилась, опустила глаза, потом снова подняла и проговорила:

- Прошу прощения. Я леди Элизабет Эллин Вейн. Я младшая дочь графа Лестерфилда. Благодарю Вас за помощь, маркиз Хэнсли, я Вам крайне обязана.

- Что Вы, не стоит, леди Вейн. Я рад, что мы оказались рядом и смогли помочь Вам. А теперь, давайте спустим Вас на землю, чтобы мы могли вызволить Ваших спутниц. – и маркиз легко подтолкнул ее к краю, где еще двое слуг уже протягивали ей руки, и через секунду Элизабет была на земле, а Алекс с камердинером вытаскивали сестру Елену.

Не прошло и пяти минут, как все женщины стояли рядом. Серьезно никто не пострадал. У каждой было несколько ушибов, и у сестры Елены был разбит локоть. А еще Элизабет чувствовала, как поднимается головная боль. Но, главное, все были целы.

Алекс и его камердинер спрыгнули с перевернутой кареты.

- Милорд, где наш кучер, мистер Томас? Вы сказали, что он пострадал. – спросила сестра Елена.

Алекс посмотрел на камердинера. Тот тут же ответил:

- Милорд, его должны были устроить в Вашей карете, как Вы распорядились. У него была повреждена нога, но не известно, сломана или нет. Его собирались перевязать, чтобы уменьшить боль и не усугубить положение, если есть перелом. Если Вы позволите, я провожу к нему сестер и леди.

Алекс молча кивнул, и женщины двинулись следом за камердинером маркиза. А сам он смотрел им вслед, и понимал, что никак не может отпустить то мгновение, когда стройная, трепещущая фигурка леди Вейн оказалась в его объятиях, вызвав странный перебой в сердцебиении. Ладонь хранила прикосновение ее пальчиков, а память то и дело возвращала к нежному личику и широко распахнутым, взволнованным глазам. И ведь ни разу не вскрикнула, не рыдала, и не билась в истерике, не упала в обморок. Крепкая молодая леди!

Алекс усмехнулся своим мыслям. Эта девочка его удивила. Было что-то в ней такое, чего он никогда раньше не встречал в других женщинах: стойкость, внутренняя сила, и в то же время хрупкость и нежность. Нужно будет больше узнать о семье графа Лестерфилда. Интересно, отец с ним знаком? И маркиз двинулся в ту же сторону, куда его слуга увел женщин.

Мистер Томас полулежал на мягком широком сидении кареты маркиза. В тусклом свете свечи, вставленной в фонарь, который стоял на полу кареты, было видно, что он очень бледен. Его укрыли пледом, но правая нога, перевязанная и примотанная к паре крепких веток, была видна.

- Мистер Томас, как Вы? - спросила сестра Елена.

Лицо кучера исказила гримаса боли:

- Боюсь, неважно, сестра. Мне жаль, но я не смогу отвезти вас дальше. Да и карета пострадала.

- Не беспокойтесь, мистер Томас. Сейчас главное, доставить Вас туда, где можно будет вызвать доктора. Желаю Вам скорейшего выздоровления. Кроме того, Господь не оставил нас в беде, и послал нам в помощь его сиятельство маркиза Хэнсли. Это он и его слуги помогли нам выбраться из перевернутой кареты. Мы все целы.

- Мистер Томас, очень жаль, что Вы пострадали. Поправляйтесь скорее. Я обязательно попрошу отца помочь Вам с лечением. – Элизабет мягко улыбнулась пожилому кучеру.

- Благодарю, леди Вейн. Вы уж простите, что не довез в целости и сохранности. – мистер Томас попытался улыбнуться в ответ, но снова скривился от боли.

- Мистер Томас, не переживайте, мы в порядке. А Вы отдыхайте и поправляйтесь. – Элизабет с сочувствием смотрела на раненого.

- Еще раз благодарю, миледи.

- Леди Элизабет, сестра Эухения, думаю, мистеру Томасу не до разговоров. Дадим ему отдохнуть. – сестра Елена жестом предложила девушкам отойти.

- Поправляйтесь, мистер Томас. – так же произнесла сестра Эухения, и женщины отошли от кареты чуть в сторону.

Элизабет вздрогнула от налетевшего ветра, и вдруг поняла, что плащ промок почти насквозь, и ее начинает пробирать дрожь от холода. И еще эта тупая боль в голове. Видимо, ударилась она достаточно сильно, когда перевернулась карета. Но сейчас не время об этом думать. Им нужно добраться до постоянного двора, устроить мистера Томаса, найти врача. И когда все они окажутся под крышей у теплого очага, вот тогда можно будет признаться сестре Елене, что она не важно себя чувствует.

К ним неслышно подошел маркиз.

- Леди Вейн, сестры, могу я предложить вам воспользоваться моей каретой. У вашей скорее всего сломалась ось, но ночью и под дождем вряд ли что-то можно сделать. Тут недалеко есть деревушка с постоянным двором. Предполагаю, что вы туда и направлялись. Мы проводим вас туда. Вероятно, утром мы сможем найти мастера, чтобы он занялся ремонтом. А пока нам всем не мешало бы поскорее добраться до теплого крова.

- Спасибо за Ваше предложение, милорд, мы будем рады. – сестра Елена посмотрела в сторону кареты. – но как мы все в ней уместимся? Там же мистер Томас...

- Не переживайте, сестра, я поеду верхом. Леди Вейн, разрешите помочь Вам подняться в карету, вы совсем замерзли. – Алекс протянул девушке руку.

Александр Эдвард Грейтон, маркиз Хэнсли

Глава 11

Элизабет оперлась на руку маркиза. И снова невероятное ощущение силы и уверенности, исходящее от этого мужчины, окутало ее спокойствием и теплом. Поднявшись в карету, она буквально пару секунд помедлила, прежде чем убрать свою ладонь с его, и это не укрылось от Алекса, и сам того не ожидая, он радостно улыбнулся девушке, и Элизабет ответила ему тем же, затем, смутившись, опустила глаза, поблагодарила, и, скромно сложив руки, села.

Сестры Елена и Эухения сели рядом. Было тесновато, но по крайней мере на них больше не лил сверху дождь, и ветер не продувал насквозь. Карета тронулась. В отличие от монастырской, она ехала мягко и почти не тряслась на неровной дороге. Даже больной мистер Томас ни разу не застонал от боли в ноге, пока они ехали до постоянного двора.

Поездка заняла совсем немного времени. Оказывается, они были совсем рядом, когда старая карета их подвела. На постоялом дворе их ждали, граф Лестерфилд прислал записку, чтобы его дочери и ее сопровождающим обеспечили достойный ночлег. Хозяйка – приятная, полноватая женщина, лет сорока, с ярким румянцем на лице проводила молодую леди в комнату, предложив ужин и ванну. Элизабет с удовольствием согласилась на оба предложения, и вскоре она сидела в небольшой медной ванне, наполненной горячей водой возле пылающего камина, и с наслаждением ощущала, как отступает холод, и все дорожные неприятности. Даже головная боль неожиданно утихла.

Расторопная девочка-служанка принесла кусок мыла, пахнущего какими-то цветами и полотно, чтобы вытереться после мытья. Она забрала плащ и платье, чтобы их высушили и почистили. И только сейчас Элизабет вспомнила, что ее вещи остались в сломанной карете в лесу, и ей не во что переодеться. Даже нижняя сорочка и корсет были влажными, их нужно было высушить, поэтому прежде, чем опуститься в воду, Элизабет повесила их на кресло, поближе к огню. Придется попросить подать ужин в комнату. Ладно, она замотается в полотно, а к утру ее белье и платье высохнут.

Когда вода начала остывать, Элизабет, нехотя, выбралась из ванны, вытерлась и, замотав вокруг себя полотно на манер римской тоги, села у камина. Она подумала о Майкле, но вместо слез, неожиданно, по душе просто растекалась светлая грусть, которая тут же сменилась мощной волной жара, едва она вспомнила, как оказалась прижатой к маркизу, когда он ее вытащил из кареты, и лицо девушки совсем залилось краской, когда в памяти всплыл тот момент, когда она не сразу отпустила руку молодого человека, садясь в карету. О, какая у него улыбка...

Элизабет прикрыла глаза, удерживая образ улыбающегося маркиза Хэнсли. От тепла, идущего от огня, ее начало клонить в сон. И вскоре, она уснула прямо в кресле у камина.

Сестры Елена и Эухения сидели за накрытым столом, ожидая Элизабет. Они высушили свои платья у камина в своей комнате, и теперь были рады, что все более-менее благополучно закончилось. Мистера Томаса слуги маркиза так же перенесли в комнату. Хозяйка позвала своего сына, оказавшегося местным лекарем, который по удачному стечению обстоятельств был у нее в гостях. Он осмотрел мистера Томаса, и пришел к выводу, что перелома нет, но у кучера сильное растяжение. Он смешал какие-то порошки, чтобы облегчить боль, наложил специальную повязку, и мистер Томас, вскоре, спокойно уснул.

На столе от блюда с горячим картофелем шел пар. Аппетитно пахло хлебом. Так же принесли блюдо с тушеными бобами и морковью. У обеих монахинь животы подвело от голода, а Элизабет все не спускалась. Зато они увидели, как в их сторону идет маркиз Хэнсли. Он переоделся, и, возможно, принял ванну, и выглядел очень свежо.

- Сестры, как вы себя чувствуете? – поинтересовался он у монахинь.

- Благодарим, милорд, мы в полном порядке. Мистеру Томасу оказана помощь, и он мирно спит в своей комнате. – ответила сестра Елена.

- А леди Вейн еще не спустилась? – маркиз оглядел гостиную постоялого двора, служившую, одновременно и столовой.

- Нет пока, но думаю, она вот-вот должна прийти.

- Может быть, я позову ее? - спросила сестру Елену сестра Эухения.

- Не трудитесь сестра, - тут же ответил маркиз, - я сам ее позову.

И, покинув монахинь, стал подниматься по лестнице. Подойдя к дверям комнаты Элизабет, он на мгновение задумался, верно ли он поступает, но желание хоть десять секунд побыть с девушкой наедине, чтобы проверить, вернется ли то удивительное чувство невероятной радости, которое он испытал, обнимая ее, пересилило все, и он осторожно постучал в дверь.

Никто не ответил. Алекс постучал еще раз. Снова тишина. Он толкнул дверь – не заперто. Заглянул в комнату. Кровать была пуста. У камина стояла ванна – видимо, слуги не успели еще унести. И тут в кресле он увидел Элизабет. Девушка крепко спала. Но что это было на ней? Кусок простой белой ткани, обвивал стройное тело, мало чего скрывая, даже, скорее, наоборот, подчеркивая: тонкую талию, высокую грудь, изящную линию плеч и рук. С одной стороны, ткань немного поднялась, и помимо маленьких ступней, была видна ножка до колена. Казалось, совершеннее он не видел никого. Даже на картинах великих итальянских мастеров юные девушки были не столь прекрасны.

Алекс судорожно вздохнул, ощущая, как в нем разгорается желание. Но в то же время, в душе всколыхнулось еще какое-то чувство: обнять, защитить, укрыть от всего мира, как бесценное сокровище. Он решительно отвернулся от прекрасной картины. Откинул одеяло на кровати. Потом поднял девушку на руки, старательно пытаясь не смотреть, что там еще обтянула тонкая ткань, уложил ее в кровать и бережно укрыл. Элизабет даже не пошевелилась. Полюбовавшись на спящую девушку еще несколько секунд, Алекс вышел и тщательно прикрыл за собой дверь. Спустившись к монахиням, маркиз объявил, что леди устала, уже готовится ко сну и просила ужинать без нее. Потом извинился, и поспешно вышел на свежий воздух.

Глава 12

Утро было на удивление солнечным, после непогоды, случившейся накануне. Яркие, лучики пробивались сквозь занавески, устраиваясь на плечах, руках и лице спящей девушки. Ощущая эти маленькие теплые поцелуи, Элизабет заворочалась, проснулась и села в кровати, не совсем понимая как она в ней очутилась.

Она хорошо помнила, что уснула в кресле. И кто бы мог ее перенести на кровать? Вряд ли это могли быть сестры, они бы ее просто разбудили. Но кто тогда? Маркиз? Элизабет вспыхнула. А, опустив глаза и вспомнив, что вместо сорочки на ней кусок ткани, далеко не все прикрывающий, девушка застонала, и рухнула на подушки, накрывшись одеялом с головой. Господи, неужели он действительно ее застал в таком виде? Вдобавок ко всему Элизабет вспомнила про свое нижнее белье, висящее на кресле. И как теперь смотреть ему в глаза?

В дверь постучали. Это оказалась служанка, которая принесла одежду. Пока Элизабет одевалась, эта же девушка принесла воду и тазик для умывания и спросила – изволят ли леди спуститься в столовую, или принести завтрак в комнату? С одной стороны, будет не вежливо поесть в одиночестве, не думая о монахинях. С другой стороны, как теперь встретиться с маркизом, зная, что он видел. Элизабет снова почувствовала, как щеки заливают румянец. Но все же взяла себя в руки, и ответила служанке, что спустится вниз.

Кое-как расчесав волосы пальцами, девушка привычными движениями заплела косу и уложила ее в пучок на затылке. Оставшись довольна своим видом, Элизабет вышла из комнаты. В столовой постоялого двора было немногочленно. Что не удивительно. Мало кто путешествует в это время года. Сестры уже ожидали ее. Как только Элизабет села за стол, к ним тут же поспешила служанка, и начала накрывать на стол. Каша на воде, хлеб, немного сыра. Еда была не особо разнообразной, ведь шел Великий пост, но и ее было достаточно. Едва учуяв запах еды, Элизабет вдруг поняла, что жутко голодна. Еще бы, она же вчера уснула без ужина. Девушка с удовольствием принялась есть. Сестры же съели лишь по небольшому кусочку хлеба и запили водой.

Элизабет была рада, что маркиза нигде не было видно. Спрашивать о нем у монахинь девушка не решилась. Но надо было что-то делать, чтобы продолжить путь. Даже если в деревне найдется умелец и починит их карету, то управлять ей все-равно некому. Их кучер болен. Кстати, надо подумать и том, как его отправить обратно в монастырь.

- Сестра Елена, - обратилась Элизабет, к старшей монахине, - я думаю, я напишу отцу, чтобы он прислал карету за мной сюда. Правда, боюсь, нам придется здесь задержаться на несколько дней. И еще, мои вещи остались в карете в лесу. Я спрошу у хозяйки, можно ли кого-нибудь туда послать, может, мои платья никому не понадобятся и все цело.

- О, леди Элизабет, Вам следует знать, что господин маркиз уже отправил своих людей, чтобы привезти Ваши вещи, а, заодно, еще раз осмотреть карету, чтобы понять, можно ли ее быстро починить. Так же он договорился с хозяйкой, что один из ее слуг завтра отвезет мистера Томаса обратно в обитель.

- Какая предусмотрительность. Надо его обязательно поблагодарить. Он оставил свою карточку? Полагаю, сам он уже отправился дальше в путь?

- Нет, леди Элизабет, он уехал в деревню со своим камердинером, сказал, что вернется к обеду. А нас просил пока просто отдохнуть до его возвращения.

- О, понятно. Возможно, мы можем тогда немного прогуляться? Такая чудесная погода. – девушка вопросительно посмотрела на монахинь.

- Я предпочту посвятить время молитве. И навещу мистера Томаса. – ответила ей сестра Елена. Но вы с сестрой Эухенией можете прогуляться. Только не уходите далеко. Здесь все-таки не монастырские уголья.

Глава 13

Девушки накинули плащи и вышли. Шляпка Элизабет так же осталась в перевернутой карете, поэтому она просто накинула капюшон, чтобы прикрыть волосы. Весенний воздух, напоенный ароматами распускающихся почек на деревьях, неизвестных цветов и легкой свежестью после вчерашнего дождя, был удивительно теплым. Элизабет с удовольствием подставила лицо мягкому ветерку и улыбнулась, чувствуя сквозь плащ, как пригревает солнце.

Все-таки весна – это ее любимое время года. Несмотря на частые дожди и постоянную смену погоды, так радостно ощущать, как с каждым днем становится все теплее, наблюдать, как распускаются молодые листочки и первые цветы, видеть птиц, возвращающихся к своим гнездам и наполняющих окрестности веселым щебетом. Элизабет вдохнула всей грудью, будто впитывая будоражащую энергию просыпающейся природы, потом хитро покосилась на серьезную и молчаливую сестру Эухению, и, вдруг, взяла ее за руки и закружилась с ней, заставив монахиню растерять всю строгость и весело рассмеяться, тоже радуясь весеннему теплу.

Такими их и увидел Алекс, свернув с тропинки в роще на дорогу, ведущую к постоялому двору. Словно две лесные феи, устроившие свои танцы под яркими лучами солнца, девушки кружились и смеялись под безоблачным синим небом посреди зеленого луга. Хотя, было весьма сомнительно, можно ли к монахине применить слово «фея». Уж больно строг ее облик. Зато Элизабет вполне могла сойти за кого-нибудь из сказочного народца, особенно сейчас, когда капюшон плаща слетел с головы, волосы растрепались и, падая на спину, переливались серебристо-золотистыми бликами при каждом ее движении.

Алекс, невольно залюбовавшись, даже притормозил, так, что его слуга еле успел остановить своего коня, чтобы не столкнуться с господином. Потом, словно очнувшись, юноша усмехнулся, потряс головой, будто отгоняя неведомый морок, и направил коня в сторону веселящихся девушек. Сестра Эухения первой заметила приближающихся всадников. Замерла, залилась румянцем, и что-то быстро сказала Элизабет. Вторая тоже замерла и тут же превратилась из феи обратно в благовоспитанную барышню, только что покинувшую стены пансиона.

Алекс и его камердинер спешили, сняли шляпы, приветствуя дам легким поклоном. Элизабет присела в реверансе, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Ну почему он появился так неожиданно. Она еще не совсем решила, как вести себя с ним после того, как он уложил ее в кровать практически в раздетом виде. А теперь он еще увидел, как она дурачилась с сестрой Эухенией. Чем дальше, тем хуже. Что он о ней подумает?

Маркиз передал поводья своего коня слуге и обратился к девушкам:

- Доброе утро, леди Вейн, сестра. Рад видеть, что вы в добром здравии и смогли хорошо отдохнуть. – на последних словах он внимательно посмотрел на Элизабет, от чего та покраснела еще сильнее. – Это чудесно, что вчерашнее происшествие прошло без вреда для вас всех. Я отправил своих людей оценить ущерб и привезти ваши вещи. Надеюсь, Вы простите мне, что я сделал это, не заручившись Вашим согласием, но, боюсь, я не располагаю большим количеством свободного времени, чтобы задерживаться здесь надолго, поэтому был вынужден действовать сам. Кстати, они еще не вернулись, когда вы покинули гостиницу?

- Доброе утро, ваша светлость. Мы Вам очень благодарны за заботу, и сожалеем, что заставили Вас потерять столько времени. Нет, ваши слуги еще не вернулись, когда мы уходили. Надеюсь, они уже вот-вот появятся, и вы сможете без промедления продолжить путь. – Элизабет старалась говорить спокойно, но голос явно выдавал ее волнение и смущение.

- Я не покину Вас, леди Вейн, пока не буду убежден, что все в порядке, и вы так же можете продолжить свое путешествие. – заверил девушку маркиз. - Кстати, можно узнать, куда вы направляетесь?

- Мы едем в Лондон. – коротко ответила Элизабет.

- Прекрасно. Я еду туда же. – улыбнулся Алекс, и девушка почувствовала, как от его улыбки по спине побежали мурашки. - Вы позволите сопроводить вас до столицы? Тогда я точно буду уверен, что сделал все возможное, чтобы Вы благополучно добрались.

- Благодарю Вас, Ваша Светлость. Вы крайне любезны. Но наша карета скорее всего сломана, и нам придется задержаться, пока ее не починят или пока отец не пришлет за мной другую. Мы не можем настолько злоупотреблять вашей добротой и тратить ваше время. – сказав это, Элизабет вдруг почувствовала, как внутри нее будто что-то застыло.

Несмотря на смущение, что Алекс видел ее почти раздетой, ей было удивительно спокойно в его присутствии. И сейчас, понимая, что их пути вот-вот могут разойтись, девушка ощутила, как сжалось сердце.

- Если окажется, что вашу карету нельзя привести в порядок быстро, я буду счастлив предоставить Вам свою, чтобы добраться до Лондона. Сам я вполне могу ехать верхом. Я еще раз уверяю, что не оставлю вас, пока не буду убежден, что вы доберетесь до места назначения без больших задержек и в безопасности. – говоря это, маркиз увидел, как Элизабет едва заметно улыбнулась. Что ж, видимо, это обозначает, что леди Вейн вовсе не против его компании. И от этой мысли на душе у него вдруг стало очень светло. - Не желаете вернуться в гостиницу? Возможно, нас там уже ждут новости. Позвольте предложить Вам руку? – Алекс слегка наклонился к девушке, и маленькая ручка Элизабет, затянутая в коричневую кожаную перчатку, легко легла на его локоть.

И вдруг словно поток тепла хлынул от места прикосновения прямо в сердце. Маркиз никогда в жизни не ощущал ничего подобного. Алекс с удивлением посмотрел на девушку. И она подняла глаза так, что их взгляды встретились. Неужели тоже почувствовала? Что бы это значило? Может, не зря он оказался в лесу вчера в непогоду, сама судьба направила его туда, чтобы встретить ту, которая заставит его сердце трепетать?

Несколько мгновений, хотя, Элизабет показалось, что целую вечность, она и маркиз смотрели друг на друга, забыв обо всем вокруг. Ее буквально подхватил и понес водоворот эмоций, невероятно ярких и искристых, как будто она пригубила глоток шампанского, и теперь радость неудержимо разливалась по всему ее телу. И как хорошо было смотреть в его глаза. Такие тепло-карие, с едва заметными золотыми искорками... Тихонько заржал конь Алекса, нетерпеливо перебирая копытами, будто намекая, что хватит стоять на месте. Этот звук и вернул маркиза с Элизабет к реальности. Девушка быстро отвела глаза, и слегка порозовела. Но руку не убрала. Алекс призвал все свое самообладание, и быстро проговорил:

- Удивительно тепло сегодня, не находите?..И, обсуждая погоду, маркиз, девушки и его слуга отправились в сторону постоянного двора.

Глава 14

Снова они были в пути, и за окнами мелькала яркая молодая зелень. Только теперь их путешествие отличалось гораздо большим комфортом. Просторная карета маркиза Хэнсли изнутри была обита бархатистым материалом, что делало ее очень уютной. Трясло ее гораздо меньше, поэтому даже сестра Эухения чувствовала себя бодро и им не требовалось останавливаться лишний раз, чтобы она могла прийти в себя.

Когда стало известно, что монастырскую карету за один день не починить - требовались детали, которых не было у местного кузнеца, ему нужно было их изготовить, - сестра Елена согласилась принять любезное приглашение маркиза и отправиться дальше в его карете. И, хотя, ей это не очень нравилось, она видела, как молодой маркиз смотрит на ее подопечную. И, кажется, Элизабет тоже начинала испытывать к Алексу нежные чувства. Поэтому, чем скорее девушка окажется под родительским крылом, тем меньше головной боли сестре Елене.

Элизабет была на удивление молчалива. Впрочем, она мыслями постоянно возвращалась в это солнечное утро, когда шла, опираясь на руку маркиза, и от этого легкого прикосновения испытывала невероятную радость. Казалось, в ее сердце звучала волшебная мелодия, то ли переборы арфы, то ли нежные голоса скрипок, и она приводила ее в восторг, которого она раньше никогда не испытывала. И умолкла эта музыка только тогда, когда Алекс отпустил ее руку перед входом в постоялый двор.

Что же это? Неужели она неравнодушна к маркизу? Неужели это зарождается любовь? Но они же едва знакомы. Как такое может быть? Элизабет задавала себе эти вопросы снова и снова. Интересно, чувствует ли Алекс, как ее охватывает волна неудержимого восторга, когда он просто разговаривает с ней? О, нет, она же изо всех сил держит себя в руках. А что думает Алекс о ней? Нравится ли она ему?

Элизабет почувствовала как к ее щекам прихлынула кровь. Ей внезапно стало не хватать воздуха и захотелось выскочить из кареты, и бежать, бежать, бежать, пока в голове не прояснится, а в груди не перестанет отчаянно сжиматься сердце. Ну или пока ее не догонит маркиз, возьмет за руку и подарит это чудесное ощущение радости и покоя от того, что он рядом. Элизабет покраснела еще сильнее и возблагодарила Господа, что уже достаточно темно, чтобы сестры могли это заметить.

Сегодня предстояла еще одна ночь на постоялом дворе. А уже завтра к вечеру они придут в Лондон. Так сказал маркиз. Значит, у нее есть сегодняшний вечер и завтрашний день, чтобы снова и снова чувствовать, как что-то сладкое и теплое разливается внутри, когда Алекс просто оказывается рядом. А потом... Неизвестно, встретятся ли они еще когда-нибудь? От осознания, что завтра они расстанутся, у Элизабет внезапно защипало глаза, и она быстро отвернулась к окну, чтобы монахини ничего не заподозрили.

Алекс ехал верхом, постоянно заставляя себя держаться впереди кареты. Хотя его то и дело тянуло заглянуть вовнутрь кареты и еще раз увидеть нежные черты лица Элизабет, потому что на душе теплело, каждый раз, когда он случайно встречался с ней взглядом. Маркиз не понимал сам себя. Что его так увлекло в этой юной особе? Вероятно то, что она была какая-то настоящая, без всей этой чрезмерной холодности, бесчувственности и напускной чопорности, присущих большинству молодых барышень, которых ему когда-либо представляли. Он чувствовал ее внутренний огонь, хотя она и вела себя, как скромная воспитанница пансиона. В глубине ее зеленых глаз тлело жаркое пламя, которому нужен был лишь повод, чтобы разгореться в полную силу.

Близилась ночь, и они вот-вот должны были доехать до постоялого двора. Ужин в присутствии докучливых монахинь, сухое пожелание доброй ночи. Еще завтрак. И, если повезет, небольшая прогулка перед дорогой. А потом день, когда она так близко, и так далеко. А потом...

А потом он найдет общих знакомых, чтобы быть представленным по всем правилам. И он сразу же попросит у ее отца разрешения ухаживать за Элизабет. Остается лишь надеяться, что у графа не будет возражений.

Хотя, согласится ли сама Элизабет? Впрочем, Алекс видел, как вспыхивали ее глаза когда они шли рядом. Он готов был поклясться, что их чувства взаимны. Неужели он встретил свою судьбу? Вот так, на лесной дороге. Он спас ее из перевернувшейся кареты, и будто тут же заплатил за это своим сердцем.

Постоялый двор оказался совсем крохотным. У хозяйки было всего две комнаты. И, как ни уговаривала Элизабет монахинь разделить с ней комнату, а вторую предоставить Алексу, сестра Елена упорно отказывалась, говоря о том, что они с сестрой Эухенией не приучены к роскоши, и вполне могут провести ночь на сеновале. Но Алекс не мог этого допустить. Поэтому, в конце концов, не смотря на все возражения, монахинь определили во вторую комнату, а маркиз со своими слугами отправился ночевать в сарай, на сеновал.

После легкого ужина Элизабет долго смотрела в окно. Ей совсем не хотелось спать, не смотря на день, проведенный в дороге. Ночь стояла ясная, на небе было полно звезд, таинственно перемигивающихся друг с другом. Из-за дальней роши медленно выплывал чуть ущербный диск луны, озаряя округу серебристым светом. Элизабет открыла окно. В комнату полилась апрельская прохлада, но вместе с ней ворвались и ароматы весенней ночи: острый - недавно распустившейся тополиной листвы, сладкий - каких-то первоцветов, свежий - молодой травы под окнами. Вдохнув полной грудью, Элизабет, как и днем в карете, ощутила, что ей тесно и душно в этой маленькой комнатке, ей так нужен свежий воздух. И, повинуясь порыву, она накинула плащ, выскользнула из комнаты и стала тихо спускаться по лестнице.

Внизу свечи были потушены, лишь небольшим алым пятном в темноте тлел камин. Хозяйка еще возилась на кухне, слышно было, как позвякивала посуда. На секунду Элизабет остановилась, возможно, стоило позвать кого-то из сестер. Хотя, она же не собирается куда-то идти. Сделает круг-другой по двору, чтобы унять расшалившееся воображение и безумно колотящееся сердце. А вдруг дверь заперта? Стоит ли позвать, хозяйку или открыть самой, а потом закрыть, когда вернется? Пожалуй, лучше второе.

Но дверь была открыта. Элизабет вышла. На улице оказалось прохладнее, чем ощущалось в комнате. Девушка плотнее запахнула плащ. Вдыхая ночной воздух, Элизабет словно погружалась в тишину и спокойствие, царившие вокруг. После переполненных эмоциями двух последних дней, ей казалось, что к ее пылающему лбу наконец-то приложили холодный компресс. Как это было приятно.

Элизабет спустилась с крыльца и медленно пошла через двор. Она дойдет до ворот и вернется обратно. Какой дивный прохладный успокаивающий воздух. Это было правильное решение, спуститься подышать. Почти жизненно необходимое. Хотя, сестра Елена вряд ли бы одобрила. Но то, о чем она не узнает, не смутит ее покой, ведь правда?

Девушка уже почти дошла до ворот, когда со стороны сарая раздался тихий голос маркиза:

- Леди Вейн? Это вы? Зачем вы вышли одна так поздно? Все в порядке?

Элизабет вздрогнула и замерла. Ну что он тут делает? Почему не спит? Хотя, на сеновале, должно быть, не так удобно, как в комнате. И все же, как неловко. Недавнее умиротворение в миг улетучилось, и жар вновь прилил к щекам.

- О, сэр, мне не спалось. В комнате душно. Я всего лишь собиралась пройти до ворот и обратно. Подышать воздухом. Уверена, ночная прохлада позволит мне быстро уснуть, когда я вернусь. - девушка не знала куда смотреть, только бы не встретится с ним взглядом.

- Вам следовало позвать кого-нибудь из сестер. - Алекс говорил с ней как с малым ребенком.

- Уверяю, это было бы излишнее беспокойство. Я собираюсь не пройти мимо-другую, а всего лишь сделать круг по двору. Да и что здесь со мной может случиться? - Элизабет, наконец, отважилась взглянуть маркизу в глаза.

В свете луны ее не прикрытые шляпкой волосы отдавали серебром. Глаза мерпали, будто в них отражались тысячи звезд. Алекс судорожно выдохнул, понимая, что больше не может сдерживать свои эмоции. Он должен прикоснуться к ней, или сойдет с ума.

- Например, это... - ответил он и сильно, но мягко притянул ее к себе. На лице Элизабет мелькнуло удивление, сменившееся растерянностью. Глаза стали, казалось, еще больше, а губы приоткрылись в немом звуке "О". Но Алекс не дал ей прийти в себя. Он нежно накрыл ее губы своими и ощутил, как по телу девушки прошла волна дрожи. Она не вырывалась, но принимала его ласку. Значит, он не ошибся. Леди Вейн он, несомненно, нравился. В его груди разлилось ликование. Как удивительно. Всего лишь надежда, что понравившаяся девушка отвечает на его чувства взаимностью, а он на вершине счастья. Как мало, оказывается, ему надо.

Горячая волна поднялась от земли, прошла сквозь ее тело и взорвалась в области сердца, когда маркиз поцеловал ее. Как же это упоительно. То, как описывались поцелуи в тайком прочитанных романах, не шло ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала на самом деле. Весь мир словно перестал существовать. Элизабет забыла кто она, где она. Остались только радость, блаженство, тепло, словно их души соединились в одну. Лишь бы это не заканчивалось. Как же ей хорошо.

Алекс тихонько сжал ее плечи, делая поцелуй более глубоким, смакуя вкус невинных девичьих губ и абсолютно теряя голову. Он словно пил божественный нектар, и никак не мог утолить жажду. Он целовал не одну женщину до Элизабет, но никогда прежде не испытывал таких эмоций. Все здравые мысли исчезли, растворились. И вот уже он не понимал цветами пахнет ночной воздух, или это Элизабет - тот самый цветок, который так пьянит и волнует.

Алекс нехотя прервал поцелуй, собрав последние крупинки воли и разума. Надо было остановиться, он и так зашел слишком далеко. И если не отпустит ее сейчас, лишь Господь знает, чем это закончится. Но как же сложно разомкнуть кольцо рук. Маркиз вглядывался в лицо девушки, по-прежнему обнимая ее, и пытаясь угадать, о чем она думает. Ее глаза смотрели на него с изумлением, но в то же время им было не скрыть, что они полны радости.

- Позвольте, я провожу вас до крыльца. - Алекс все-таки выпустил ее из объятий. Элизабет слегка покачнулась, но устояла на ногах. Прогулка пошла совсем не по плану. И она не понимала, сейчас случилось что-то плохое, или, наоборот, слишком хорошее. Она целовалась с почти незнакомым мужчиной, да еще и получила от этого удовольствие. Как она могла это допустить. Это очень-очень плохо. Но, с другой стороны, то, что приносит такую радость, может быть только хорошим.

- Леди Вейн... Элизабет - Алекс тихонько подтолкнул ее в сторону дома, а она вдруг поняла, что он только что впервые назвал ее по-имени, и от этого стало еще лучше. Девушка послушно пошла к крыльцу. Нужные слова не шли на ум, видимо, маркизу тоже, поэтому те несколько шагов, что отделяли их от дома, где были гостевые комнаты, они прошли молча, поднялись на крыльцо, и тут Элизабет снова посмотрела ему в глаза и сказала ему то, что он вряд ли бы мог услышать от других:

- Я не должна это говорить. Но и промолчать не могу. Это был мой первый поцелуй. И это было волшебно. Вы словно открыли мне совершенно другой мир. И я рада, что это были именно Вы. Доброй ночи.

И не дав ему сказать ни слова, девушка исчезла за дверью. А Алекс стоял, пытаясь успокоить разогнавшееся сердце, и улыбался как последний дурак. Он прав. Она особенная. И она будет его и только его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.